
Вселенская идея празднованія Рождества Христова и современные споры о рождественскомъ молебнѣ.

Споры по поводу рождественскаго молебна въ газетѣ Колоколь. Идея великихъ христіанскихъ праздниковъ и ихъ богослуженія. Смыслъ богослуженія на Рождество. Исторія установленія молебна на первый день Рождества. Содержаніе его въ отношеніи къ вселенской идеѣ празднованія Рождества. Нѣкоторые другіе недостатки современнаго русскаго богослуженія и ихъ вредное вліяніе. Пренебреженіе стихирами и церковными напѣвами. Ослабленіе торжественности богослуженія Пасхальной недѣли. Отсутствие новогодняго богослуженія 1 января.

I.

Въ теченіи декабря 1914 года возникъ вопросъ о томъ молебнѣ, который почти уже сто лѣтъ совершается послѣ литургіи въ первый день Рождества Христова за избавленіе Россіи отъ нашествія Наполеона.

Вопросъ этотъ сдѣлался предметомъ обсужденія въ церковныхъ кругахъ, въ печати и даже въ обществѣ. Петроградская газета Колоколь 16 Декабря 1914 года прямо называетъ его злободневнымъ и находитъ невозможнымъ оставить его неисчерпаннымъ до дна.

Поводомъ къ возбужденію этого вопроса послужило неожиданное опредѣленіе Св. Синода отъ 3 Декабря 1914 года, которымъ постановлено: „поручить Синодальнымъ Конторамъ, епархіальнымъ преосвященнымъ, завѣдующему придворнымъ духовенствомъ и протопресвитеру военнаго и морскаго духовенства сдѣлать распоряженіе, чтобы въ день Рождества Христова въ текущемъ году, взамѣнъ совершаемаго обычно въ этотъ праздникъ, послѣ Божественной литургіи, благодарственнаго и молебнаго пѣнія Господу Богу, по слу-

чаю воспоминаемаго въ означенный день избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ, было отправлено молебное пѣніе о дарованіи побѣды Христорлюбивому русскому воинству“¹⁾.

Изъ содержанія распоряженія Св. Синода ясно, что оно относится только ко дню Рождества въ прошломъ 1914 году и, повидимому, нисколько не разрѣшаетъ вопроса объ обычномъ молебнѣ на будущее время. Во всякомъ случаѣ въ опредѣленіи Св. Синода нѣтъ никакого указанія на отмѣну 25 Декабря молебна вообще. Въ немъ, по обстоятельствамъ момента, обычный молебенъ лишь замѣненъ молебномъ о побѣдѣ.

Несмотря на то, что опредѣленіе Св. Синода касалось долготѣней церковной службы, къ которой многіе привыкли и съ которой у нихъ соединились тѣ или другія чувства, оно послѣдовало въ обычномъ порядкѣ распоряженій по Вѣдомству Православнаго Исповѣданія, и мотивы его остались тайной. Поэтому не удивительно, что въ общественныхъ кругахъ появились разные толки, предположенія и даже споры, которыя редакція газеты Колоколь легкомысленно поспѣшила уже назвать, „церковнымъ разномысліемъ“²⁾.

Начало этому положено Архіепископомъ Харьковскимъ Антоніемъ его статьей въ той же газетѣ подъ сенсационнымъ заглавіемъ „Отъ радости боюсь повѣрить“. Въ распоряженіи Св. Синода и, повидимому, слишкомъ поспѣшно архіепископъ усмотрѣлъ исполненіе его давнишняго желанія о полной отмѣнѣ молебна на первый день Рождества. Архіепископъ утверждаетъ, что онъ и нѣсколько другихъ архіереевъ, которыхъ онъ, къ сожалѣнію, не называетъ, хлопотали объ отмѣнѣ этого молебна еще весной 1912 года, но безъ успѣха.

При извѣстіи о распоряженіи Св. Синода архіеп. Антонія охватило чувство радости, потому что означенный молебенъ послѣ литургіи въ первый день Рождества представляется ему „нецерковнымъ“, „противоуставнымъ и унижающимъ нашу вѣру“. Молебенъ этотъ отравлялъ для архіепископа радостный праздникъ Рождества Христова. Онъ называетъ

1) Церковныя Вѣдомости 6 Декабря 1914 г. № 49.

2) Колоколь 10 Декабря 1914 г. № 2582.

молебенъ „неблагоустроеннымъ привѣскомъ и совершенно-немелодичной мѣшавиной тропарей, стихирь, многолѣтій и отрывковъ изъ панихиды“.

Въ такіе дни, какъ Рождество, церковная служба, по замѣчанію архіепа. Антонія, должна вся обращаться въ безконечный гимнъ нашему Искупителю и всякія службы, не связанныя съ событіемъ праздника, отмѣняются. Между прочимъ архіепископъ обращаетъ вниманіе, что читаемая на молебнѣ паримія о паденіи царя Вавилонскаго и Евангеліе съ предсказаніями Господа о паденіи Іерусалима и о Страшномъ судѣ, примѣняются къ нашествію Наполеона на Россію. На что это похоже, спрашиваетъ архіепископъ? „Можно и должно, справедливо замѣчаетъ онъ, быть патриотомъ и благодарить Бога за спасеніе отечества, но вѣчное и всемірное умалять до временнаго и государственнаго—это не дѣло“. Далѣе архіепископъ протестуетъ противъ явнаго нарушенія устава, противъ чтенія молитвы на молебнѣ колѣнопреклоненно, такъ какъ уставъ отмѣняетъ поклоны и колѣнопреклоненія на всѣ святки, т. е. съ 25 Декабря по день Богоявленія.

Если не обращать вниманіе на свойственную архіепископу Антонію неосторожность выраженной всячески поносить не нравящейся ему фактъ или несогласныхъ съ нимъ лицъ, то въ своемъ убѣжденіи о необходимости отмѣны молебна въ день Рождества архіепископъ далеко не одинокъ какъ среди іерарховъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже хлопотали объ этомъ, такъ и среди мірянъ, къ голосу которыхъ самъ архіепископъ обыкновенно готовъ относиться пренебрежительно. Многимъ и между прочимъ намъ лично не разъ приходилось переживать сознаніе нарушенія чистоты вселенскаго празднованія въ Россіи дня рожденія Спасителя и чувствовать умаленіе этого празднества въ томъ молебнѣ, который обязательно присоединенъ къ литургіи перваго дня.

Но мірянамъ по современному представленію большинства русскихъ іерарховъ подобаешь лишь молчаніе, какіе бы непорядки и даже безобразія ни обнаруживались въ церковномъ богослуженіи. Протестъ, а иногда даже и простое указаніе въ этомъ отношеніи, сейчасъ же рассматриваются какъ покушеніе на власть іерархін. Поэтому голосъ мірянъ про-

1) Колоколь 14 Декабря 1914 г. № 2581.

тивъ нарушенія чистоты церковной празднованія дня рожденія Спасителя едва-ли даже могъ бы быть услышанъ.

Но вотъ, наконецъ-то, раздался открытый протестъ со стороны іерарха. Казалось бы его нужно очень привѣтствовать,

Но, нѣтъ, та же газета Колоколь, которая обыкновенно готова защищать все существующее, если только оно угодно высшему начальству, предоставила страницы для возраженій на мнѣніе архіеп. Антонія, которое, вѣроятно, не встрѣтило сочувствія въ синодальныхъ сферахъ.

Противъ архіеп. Антонія прежде всего выступилъ постоянный сотрудникъ Колокола, придворный протоіерей А. Дерновъ, который вмѣстѣ съ издателемъ газеты г. Скворцовымъ, повидимому, считаютъ себя столпами Православія въ Россіи. По крайней мѣрѣ таковъ тонъ ихъ писаній и таково отношеніе къ людямъ несогласнымъ съ ними.

Въ противоположность архіеп. Антонію о. протоіерей озглавилъ свою статью: „Можно ли повѣрить“¹⁾. При чтеніи того, что написано архіеп. Антоніемъ, протоіерей Дерновъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, пришелъ „не только въ изумленіе, но даже въ нѣкоторый страхъ“.

Еслибы не было подписи подъ статью архіеп. Антонія, то о. протоіерей могъ подумать, что редація газеты допустила мистификацію, приписавши ее епископу. Вѣдь, такіа выраженія, какія допущены въ статьѣ, поясняетъ о. Дерновъ, мы могли видѣть только у тѣхъ писателей лѣваго крыла, которые завѣдомо поставили себѣ цѣлью унижить нашу русскую православную Церковь, ея установленія, ея Богослуженіе. О. Дерновъ усматриваетъ въ статьѣ архіеп. Антонія не болѣе не менѣе, какъ поношеніе учрежденія той Церкви, которой онъ является служителемъ и представителемъ; и находитъ, что архіепископъ говоритъ въ унисонъ съ новаторами, желающими высвободить общество изъ подвліянія Церкви.

Да что съ Вами почтенный о. протоіерей? Неужели Вы такъ и не замѣтили болѣе чѣмъ 25-лѣтнюю пастырскую дѣятельность архіеп. Антонія, направленную именно къ поддержанію связи людей съ Православною Церковью и возвращенію въ нее отпавшихъ? Неужели вся эта дѣятельность

¹⁾ Колоколь 14 Декабря 1914 г. № 2585.

теряетъ въ Вашихъ глазахъ всякое значеніе, если архіеп. высказалъ что-либо Вамъ не являющееся или, правильнѣе, не понятное Вами?

Какъ Вы могли найти точки соприкосновенія архіеп. Антонія съ тѣми, которые готовы поносить Церковь и освобождать людей отъ ея вліянія?

Единственнымъ извиненіемъ Вашихъ заявленій можетъ служить лишь то, что Вашъ умъ соблазнился неосторожными выраженіями архіепископа, изъ-за которыхъ Вы оказались уже неспособными увидѣть суть статьи.

„Опытные и глубоковѣрующіе кормчіе и рядовые пастыри съ долгою жизненною опытностью и несокрушимой вѣрой въ благодатную силу Церкви, пишетъ о. протоіерей, никогда не позволять себѣ—подобно голосу невѣрующаго хулителя Церкви—стремящагося уничтожить и искоренить всякое вліяніе на людей Матери нашей Святой Церкви,—выразиться о молебствіи, которое въ теченіе цѣлаго столѣтія возвеличивало въ русской православной Церкви торжественность богослуженія праздника Рождества Христова, воистину умиляло всѣхъ, кто только молился во время совершенія этого богослуженія, воочію всѣмъ, даже и иновѣрцамъ, которымъ только приходилось бывать за этимъ богослуженіемъ, показывало и дѣлало понятнымъ всю незначительность нашего церковнаго богослуженія,—не позволять себѣ выразиться объ этомъ молебнѣ, что онъ „нецерковный“, „противоуставный“ „унижающій нашу вѣру“ и всегда кому то отравлявшій радостный праздникъ Рождества Христова.

Ужели можно назвать такъ молебствіе, которое именно насаждало святыя чувства въ молящихся, соединяло всѣ свои общества нашего въ единомъ чувствѣ глубокой благодарности къ Богу за дарованное намъ спасеніе Отечества въ постигшую его тяжелую годину?

Тяжелое нынѣ время; и языкъ Церкви и ея установленій сталъ для насъ неяснымъ. Прекрасный по всему своему строю и по содержанію всѣхъ своихъ молитвословій молебенъ называется „противоуставнымъ“ и „неблагоустроеннымъ привѣскомъ“ и... странно и даже страшно слушать такія слова изъ устъ архіерея... „немелодичной мѣшаниной“...

Въ молебнѣ на Рождество, разъясняетъ о. протоіерей, Цер-

ковъ предлагаетъ намъ воспѣвать древнія милости къ нашему царству, явленныя Господомъ и молить о возобновленіи сихъ милостей... Почему же нельзя благодарить Бога за спасеніе отечества въ день Рождества Христова, которымъ даруется эти блага и неужели эта благодарность будетъ умаленіемъ вѣчнаго и всемірнаго до временнаго и государственнаго“?.. Ничуть не должно смущаться, по увѣренію о. Дернова, и положеннымъ на молебнѣ колѣнопреклоненіемъ, такъ какъ оно не есть колѣнопреклоненіе поста и покаянія, а—выраженіе благодаренія.

Далѣе авторъ, восхваляя содержаніе молебна, усматриваетъ въ немъ силу для народнаго единенія и заключаетъ свою статью восклицаніемъ: „И можно ли повѣрить, чтобы это умиленное и такъ глубоко поучительное богослуженіе навсегда отмѣнили и лишили православныхъ чадъ Русской Церкви *этого духовнаго въ день Рождества Христова утѣшенія* и умиленного назиданія къ истинно-христіанскому настроенію и поведенію“.

Но развѣ архіеп. Антоній требуетъ полной отмѣны молебна? Онъ лишь признаетъ несомѣстимость его съ первымъ днемъ Рождества и, повидимому, ничего не имѣетъ противъ совершенія его въ другое время, съ нѣкоторымъ только измѣненіемъ его содержанія.

Во всемъ этомъ, какъ увидимъ, архіепископъ глубоко правъ и заслуживаетъ большой благодарности со стороны церковнаго общества.

Архіепископъ нигдѣ не говоритъ, что благодарность за спасеніе отечества будетъ умаленіемъ вѣчнаго и всемірнаго до временнаго и государственнаго, какъ полагаетъ о. Дерновъ. Онъ лишь справедливо отмѣчаетъ, что событія, описываемыя въ Библии, и указанія Спасителя на обстоятельства приближенія Божественнаго Суда имѣютъ міровое значеніе и ихъ нельзя относить къ нашествію Наполеона. Неужели же о. протоіерей можетъ думать иначе?

Что сказать затѣмъ о столь смѣломъ приглашеніи о. протоіеря не смущаться положеннымъ на молебнѣ колѣнопреклоненіемъ?

Повидимому, онъ и не подозреваетъ, что отмѣна поклоновъ въ дни великихъ праздниковъ находится въ тѣсной связи съ ихъ вселенской идеей. Еслибы о. Дерновъ обратилъ

вниманіе, наприм., на 20 правило I Вселенскаго Собора, 90 Трулльскаго и 91 правило Василія Великаго, явно содержащія въ себѣ вселенское преданіе по данному вопросу, то, вѣроятно, онъ не сталъ бы придумывать своего соображенія въ обходъ этого преданія и оправдывать явно, противорѣчащій ему порядокъ.

На споры о Рождественскомъ молебнѣ откликнулся и архіепископъ Варшавскій Николай. Имъ прислано въ редакцію газеты Колоколь мнѣніе, высказанное архіепископомъ еще въ 1896 г. съ церковной кафедры въ Америкѣ.

Всѣ соображенія архіепа. Николая направлены противъ тѣхъ лицъ его паствы, которые просили оставить этотъ молебенъ, такъ какъ онъ, по ихъ мнѣнію, не приноситъ никакой пользы и лишь вызываетъ нелюбезность къ русскимъ со стороны французовъ. По словамъ газеты, архіепа. Николай увидѣлъ въ этомъ притязаніе со стороны мірянъ, которое свидѣтельствовало объ ихъ готовности однимъ взмахомъ пера зачеркнуть не только нѣсколько страницъ изъ родной исторіи, но даже наложить руку свою и на то, къ чему никто изъ вѣрующихъ не можетъ касаться безъ страха и трепета, т. е. на дѣло чисто церковное. Конечно, архіепископъ безъ особаго труда опровергъ это „притязаніе“ мірянъ. Онъ просто сослался на слова одного русскаго іерарха, который поучалъ, что не благодарить Бога за избавленіе отъ враговъ отечества подъ предлогомъ, что бывшіе враги стали друзьями, было бы знакомъ непростительнаго челоукоугодія. За пріязнь ихъ къ намъ мы обязаны и платить имъ взаимностью, но изъ-за этого забывать долгъ благодарности къ Господу за Его милости къ намъ во время борьбы съ ними значило бы предпочитать обязанности къ людямъ обязанностямъ въ отношеніи къ Богу.

Вообще архіепископъ Николай доказываетъ лишь, что не должно отказываться отъ молебна изъ за любезности или въ угоду французамъ. Но всеми своими соображеніями онъ нисколько не отвѣчаетъ на суть вопроса, выдвинутаго архіепископомъ Антоніемъ о причинахъ несовмѣстимости молебна съ богослуженіемъ въ первый день Рождества.

Не удовлетворившись соображеніями архіепа. Николая и прот. Дернова, редакція „Колокола“ отправила своего сотрудника спросить о мнѣніи, какъ она поясняетъ— „знаме-

нистаго русскаго литургиста, заслуженнаго профессора духовной академіи, доктора богословія А. А. Дмитріевскаго“.

Послѣдній, по словамъ газеты, высказалъ мнѣніе диаметрально-противоположное архіепископу Антонію. Проф. Дмитріевскій скорбитъ, что Св. Синодъ отмѣнилъ въ нынѣшнемъ году это рождественское молебствіе. Нельзя смѣшивать политику съ святымъ дѣломъ Церкви. Архіепископъ Антоній говоритъ, что не слѣдуетъ всемірное и вѣчное (т. е. празднованіе Рождества Христова) „умалять до временнаго и государственнаго“, но благодарственный молебенъ объ изгнаніи враговъ изъ Россіи явился не добавленіемъ или искаженіемъ рождественскаго богослуженія, но самостоятельнымъ актомъ молитвеннаго благодаренія, Апостоль заповѣдуетъ благодарить Бога „за все и всегда“, и нѣтъ того дня въ году, когда было бы запрещено сынамъ Церкви благодарить своего Отца небеснаго за оказанныя Имъ милости. Что касается указанія архіепископа Антонія на неумѣстность допущенія зауспокойнаго служенія въ первый день Рождества, то такого служенія и не бываетъ въ этотъ день, а провозглашается лишь „вѣчная память“ императору Александру Первому. Подобное же соединеніе благодарственнаго молебна съ поминовеніемъ павшихъ героевъ встрѣчается и въ молебнѣ по поводу дарованія Полтавской побѣды.

Г. Дмитріевскій вопреки протоіерею Дернову считаетъ архіеп. Антонія правымъ лишь въ указаніи на чтеніе благодарственной молитвы колѣнопреклонно. Но это нарушеніе Устава, по мнѣнію г. Дмитріевскаго легко исправить, выкинувъ изъ возглашенія діакона „колѣна преклонше“ и читать молитву стоя. Никакихъ же другихъ литургическихъ и богослужебныхъ затрудненій и недоразумѣній въ совершеніи рождественскаго молебна, по увѣренію г. Дмитріевскаго, не встрѣчается.

Въ сообщеніи газеты мнѣніе г. Дмитріевскаго по меньшей мѣрѣ несовсѣмъ ясно. Но такъ какъ проф. Дмитріевскій до сихъ поръ ничѣмъ его не исправилъ, то намъ приходится довѣрять изложенію газеты. А судя по нему, г. Дмитріевскій, повидимому, недостаточно обратилъ вниманія на основную мысль архіеп. Антонія. Изъ объясненія г. Дмитріевскаго выходитъ, что и онъ протестовалъ бы противъ молебна, еслибы послѣдній былъ не самостоятельнымъ актомъ

молитвеннаго благодаренія, а добавлялъ бы собой самое рождественское богослуженіе.—Только этого еще и не доставало!

Но вѣдь архіеп. Антоній и не говоритъ, что молебень сдѣланъ составной частью литургіи и этимъ ее искажаетъ. Онъ называетъ молебень лишь „неблагоустроеннымъ привѣскомъ“ и, вѣроятно, охотно согласится съ г. Дмитріевскимъ, что онъ есть самостоятельный актъ молитвеннаго благодаренія. Но чѣмъ же такое согласіе съ г. Дмитріевскимъ можетъ подрывать мнѣніе архіепископа о несомнѣстности этого самостоятельнаго акта благодаренія за одну изъ милостей къ русскому государству съ церковной идеей празднованія Рождества Христова?

Г. Дмитріевскій ссылается на заповѣдь апостола о благодарности къ Богу и, повидимому, имѣетъ въ виду слова изъ посланія къ Ефесянамъ V, 18—20: „и не упивайтесь виномъ, отъ котораго бываетъ распутство, но исполняйтесь Духомъ, назидавая самихъ себя псалмами и славословіями, и пѣснопѣвіями духовными, поя и воспѣвая въ сердцахъ вашихъ Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца во имя Господа нашего Иисуса Христа“.

Но развѣ этими словами апостола можно оправдать отсутствіе необходимости соблюдать въ церковномъ богослуженіи извѣстный порядокъ молитвъ и пѣснопѣній въ зависимости отъ того или другого воспоминаемаго событія? Столь же мало разрѣшается вопросъ о молебнѣ на Рождество и замѣчаніемъ г. Дмитріевскаго, что нѣтъ того дня въ году, когда сынамъ Церкви было бы запрещено благодарить Бога за оказанныя милости.

Но сыны Церкви, какъ извѣстно, находятся на разныхъ ступеняхъ духовнаго развитія. Поэтому ихъ частныя молитвы могутъ быть различнаго характера, и очень возможно, что для многихъ изъ нихъ при слабой связи съ Церковью и допустимо благодарить Бога за оказанныя имъ милости хотя бы и въ такіе великіе дни, какъ Рождество Христово. Но, вѣдь, иное дѣло общественное церковное богослуженіе на Рождество, совершаемое отъ имени всей Церкви и по своимъ цѣлямъ во многомъ отличное отъ нашихъ частныхъ молитвъ. Во всякомъ случаѣ возможность содержанія частныхъ молитвъ нисколько не предрѣшаетъ собой содержанія молитвъ церковно-общественныхъ.

Неужели г. Дмитріевскій нашелъ бы согласнымъ съ духомъ устава о церковномъ богослуженіи пѣть послѣ литургіи въ первый день Пасхи, наприм., благодарственный молебенъ по случаю прекращенія ходеы? Неужели и независимо отъ требованія церковнаго устава онъ не почувствовалъ бы, слушая этотъ молебенъ, какой то диссонансъ въ своей душѣ съ тѣмъ настроеніемъ, на которое рассчитано все пасхальное богослуженіе и которое дѣйствительно обнаруживается въ душѣ многихъ.

Странно затѣмъ возраженіе г. Дмитріевского архіеп. Антонію, что никакого заупокойнаго богослуженія въ первый день Рождества не бываетъ, а провозглашается лишь вѣчная память, что совершается и на молебнѣ по поводу дарованія Полтавской побѣды. Но послѣдній молебенъ бываетъ 27 іюня и никакого отношенія къ дню Рождества или другого великаго праздника не имѣетъ. Поэтому ссылка на этотъ молебенъ несколько не разъясняетъ вопроса выдвинутаго архіепископомъ. Кромѣ того въ статьѣ архіеп. Антонія нѣтъ рѣчи о заупокойномъ богослуженіи, а лишь объ отрывкѣ изъ панихиды, каковой, конечно, представляетъ изъ себя провозглашеніе вѣчной памяти императору Александру I. Но вѣдь, если духу церковнаго богослуженія на Рождество не соотвѣтствуетъ служеніе цѣлой панихиды, что, повидимому, признаетъ и проф. Дмитріевскій, то тѣмъ самымъ это нужно сказать и относительно частей панихиды, какъ бы малы онѣ ни были. Какимъ логическимъ процессомъ можно приткнеть къ иному заключенію, мы отказываемся понимать.

Если г. Дмитріевскому почему то не угодно считать отрывкомъ изъ панихиды возгласеніе: „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи усопшему рабу Твоему Императору Александру I и другимъ и сотвори имъ вѣчную память“, то неужели проф. Дмитріевскій будетъ отрицать, что это во всякомъ случаѣ представляетъ изъ себя молитвенное поминовеніе усопшихъ, загробное состояніе которыхъ намъ неизвѣстно. А поминовенія усопшихъ, какъ сказано, наприм., въ 169, ст. Номоканона при Большемъ Требникѣ, не бываютъ во время отъ Рождества до Богоявленія, въ теченіе недѣль Первой Великаго поста, Страстной, Пасхальной, въ воскресные дни и въ дни великихъ праздниковъ.

Далѣе, противъ архіеп. Антонія газета помѣстила статью

подъ громкимъ названіемъ; „Вѣрующимъ дороги крѣпость и неуклонность церковныхъ обрядовъ“. Уже однимъ заглавіемъ статья эта обѣщаетъ разбить мнѣніе архіепа. Антонія“. Написана она г. Поселяниномъ.⁴⁾ Въ ней нѣтъ даже и попытки оправдать молебень введенный на первый день Рождества, какими либо доводами изъ церковной исторіи, литургіи, церковнаго права и т. п. Г. Поселянинъ основываетъ свои возраженія просто на своихъ личныхъ чувствахъ, почему то приписывая ихъ каждому православному русскому. Статья г. Поселянина наполнена почти одними восклицаніями: Какъ дорогъ былъ всякому русскому благодарственный молебенъ въ первый день Рождества! „Какъ красиво звучали эти побѣдные напѣвы „Съ нами Богъ“! Какъ послѣ благодарственныхъ торжествующихъ напѣвовъ тихою грустью было полно провозглашеніе „Вѣчной памяти“ Императору Александру Первому и его сподвижникамъ!

Такъ казалось понятна эта радостная благодарность Богу въ этотъ именно радостный день, въ который былъ сокрушенъ за полгода до того вторгнувшійся въ Россію завоеватель. Какъ цѣнна казалась эта связь съ Русью вѣка назадъ, какъ дороги эти слова молитвы о Божіемъ промысленіи надъ роднымъ народомъ и о судьбѣ его! Никого эта служба не обременяла. Она казалась помимо значенія своего еще дорогой связью съ прошлымъ.

Бы бились за славу Россіи вѣкъ назадъ, дорогие русскіе люди, и мы помнимъ васъ и будемъ помнить ваши подвиги, пока стоитъ наша земля.

Современники, устанавливая это молебствіе, лучше насъ могли чувствовать, что они дѣлали, потому что они знали, чѣмъ могла стать Россія, если бы ее сокрушилъ Наполеонъ.

Воспоминанія о торжественныхъ событіяхъ вообще принято соединять съ большими церковными праздниками, какъ вышло и тутъ.

Вѣрующимъ дороги крѣпость и неуклонность церковныхъ обычаевъ и преданій. Люди, надолго покидавшіе родную землю, знаютъ, какая радость вернуться въ знакомую церковь и стоять въ ней тѣ же самыя часы и минуты, какъ десятки лѣтъ назадъ, то же самое отстаивать богослуженіе.

⁴⁾ Колоколь 21 декабря 1914 г. № 2991.

Если бы я вернулся послѣ нѣсколькихъ лѣтъ отсутствія ко дню Рождества въ Россію и не услышалъ бы больше благодарственнаго молебствія „за изгнаніе Галловъ изъ Россіи, я былъ бы очень тогда огорченъ. И вотъ неизвѣстно по какимъ соображеніямъ этотъ молебенъ упрадняется“.

Въ заключеніе г. Поселянинъ вполне присоединяется къ протоіерею Дернову, называя его статью достойной отвѣдью архіеп. Антонію, при чемъ отъ себя добавляетъ: „Грустный признакъ времени, когда протоіереи должны по православнои ревности своей возражать противъ рискованности архіерейскихъ писаній. Со своей стороны нельзя не подивиться тѣмъ неподходящимъ выраженіямъ, которыя, казалось бы, совершенно неумѣстны подъ перомъ церковнаго писателя, и которыя тѣмъ неожиданнѣй слышать изъ устъ русскаго архіерея“.

Прежде всего по какому праву г. Поселянинъ въ вопросѣ о церковномъ богослуженіи придаетъ какое-то рѣшающее значеніе своимъ личнымъ чувствамъ по поводу молебна, считаетъ ихъ присущими большинству русскихъ людей и чуть ли для нихъ не обязательными, если онъ исходитъ изъ этихъ чувствъ какъ изъ основанія для своего возраженія. Но допустимъ даже, что навязываемыя г. Поселяниномъ русскимъ людямъ чувства дѣйствительно переживаются ими. Въдь это нисколько не разъясняетъ, почему молебенъ на первый день Рождества не можетъ быть перенесенъ на другой день, наприм., на ближайшее воскресенье. Вся молебная служба, такъ восхищающая г. Поселянина, можетъ, въдь, остаться неприкосновенной. Къ какимъ доводамъ для оправданія своего выступленія противъ архіеп. Антонія прибѣгаетъ г. Поселянинъ, показывая усмотрѣніе имъ въ совершеніи молебна цѣннаго поддержанія нашей связи съ Русью начала прошлаго вѣка.

Но развѣ поддержаніе такой связи можетъ входить въ задачу общественнаго церковнаго богослуженія, объединяющаго собой христіанъ всѣхъ вѣковъ и, какъ увидимъ ниже, земную Церковь съ небесной? Интересно бы знать, какое же понятіе о Церкви, живетъ въ душѣ г. Поселянина. Достаточно-ли онъ раздѣляетъ идею Церкви отъ идеи государственной?

Если въ церковномъ богослуженіи и реализуется наша

духовно-нравственная связь съ прежними вѣками, то эта связь съ Церковью вселенскою въ ея вѣрѣ и отношеніи къ Спасителю, которыми выражается во Вселенской Церкви празднованіе событій нашего спасенія.

Утвержденіе г. Поселянина, будто бы воспомятіе о торжественныхъ событіяхъ, очевидно историческихъ, принято вообще соединять съ большими церковными празднествами— неврѣно и по меньшей мѣрѣ ничѣмъ не доказано.

Что это затѣмъ за изреченіе, высказываемое г. Поселяниномъ: „вѣрующимъ дороги крѣпость и неуклонность церковныхъ обычаевъ и преданій“. Это отвлеченное и мало содержательное положеніе г. Поселянинъ сразу обращаетъ въ аргументъ противъ архіея. Антонія. Неужели же г. Поселянинъ думаетъ, что вѣрующіе должны дорожить всякими обычаями и преданіями, если только они имѣютъ за собой извѣстную давность и возбуждаютъ нравящіеся вѣрующимъ чувства. Если такъ, то г. Поселянинъ оказывается солидарнымъ со многими отпавшими отъ Церкви религіозными обществами и стоитъ на точкѣ зрѣнія русскихъ старообрядцевъ, которые считаютъ необходимымъ во что бы ни стало держаться обычая или преданія уже въ силу одной его старины.

Изъ исторіи Церкви, не исключая и Русской, извѣстны случаи, когда въ церковное богослуженіе вкрадывались нѣкоторые обычай и преданія, носившія мѣстный характеръ и не соответствовавшія духу Вселенской Церкви. Какъ только это сознавалось, ихъ отмѣняли, не взирая на ихъ давность и возможное восхищеніе ими „вѣрующихъ“. Иначе путемъ все большаго и большаго наслоенія подобныхъ обычаевъ и порядковъ могла бы затемняться въ сознаніи людей и самая идея Церкви и основанное на ней церковное богослуженіе.

Насколько можетъ разбираться въ церковныхъ обычаяхъ и преданіяхъ самъ г. Поселянинъ, показываетъ его заявленіе, сдѣланное на страницахъ газеты „Колоколь“, кажется, въ началѣ 1914 года, о томъ, что для вѣрующихъ дорогъ обычай, чтобы епископы непременно были окружены помпой и ѣздили въ каретахъ.

Вообще возраженіе г. Поселянина архіепископу Антонію заключаетъ въ себѣ не болѣе того, что называется мало со-

держательной и мало убѣдительною „елейностью“, которая, къ сожалѣнію, обыкновенно обнаруживается у г. Поселянина если онъ начинаетъ обсуждать разные церковные общественные вопросы, а не выступаетъ лишь въ качествѣ духовнаго беллетриста или рѣзяснителя мыслей другихъ, что онъ дѣлаетъ не безъ таланта и интересно для читателя.

Наконецъ, на страницахъ Колокола появились два письма въ Редакцію за сохраненіе молебна на 1-й день Рождества. Одно изъ нихъ принадлежитъ лицу, скрывшемуся за буквами Н. А. У. и называющему себя міряниномъ. На основаній содержанія распоряженія Св. Синода отъ 3 декабря 1914 г. онъ справедливо рассуждаетъ, что молебенъ собственно не отмѣняется, а въ силу исключительнаго переживаемаго момента замѣняется на этотъ разъ другимъ. Обь отмѣнѣ же молебна навсегда, по мнѣнію анонимнаго автора, не можетъ быть и рѣчи.

Въ томъ молебнѣ, указываетъ онъ, мы воздаемъ хвалу и благодареніе Господу за такія дивныя знаменія милости, воспоминанія о которыхъ до скончанія вѣковъ должны переходить изъ рода въ родъ. Такія молебствія не могутъ быть съ теченіемъ времени отмѣняемы, какъ бы ни измѣнились потомъ взаимныя отношенія народовъ.¹⁾

Г-ну Н. А. У. слѣдуетъ успокоиться. Кажется, никто и не собирается совсѣмъ отмѣнять молебенъ. Вопросъ идетъ лишь о переносѣ его съ перваго дня Рождества на другое время, а почему его нужно служить именно на Рождество, анонимный авторъ умалчиваетъ.

Однако анонимному автору и другимъ охранителямъ молебна на первый день Рождества не мѣшало бы разъяснить, почему они придаютъ какое-то исключительное значеніе избавленію Россіи отъ нашествія Наполеона, воспоминаніе о которомъ, по утверженію г. Н. А. У., должно переходить изъ рода въ родъ до скончанія вѣковъ. Развѣ еще не важнѣе было, наприм., освобожденіе Россіи отъ татарскаго ига, безъ котораго не образовалось бы и русское государство? Но вѣдь никакого благодарственнаго молебна по этому поводу не совершается и никто на этомъ не настаиваетъ. Не слѣдуетъ ли искать причины этого въ томъ, что освобожденіе отъ

¹⁾ Колоколь 24 дек. 1914 г. № 2593.

татарь произошло слишкомъ давно и въ настоящее время это событіе совершенно неспособно вызывать въ насъ болѣе или менѣе живыя чувства и воспоминанія. Благодарственный молебенъ по этому поводу сдѣлался бы лишь тѣмъ-то формальнымъ и не могъ бы въ достаточной степени затронуть душу современнаго человѣка. Почему же все это не можетъ произойти съ событіями 1812 года и установленнымъ въ связи съ ними молебномъ? Нужно подобно г-ну Н. А. У. имѣть особую смѣлость и недостаточно представлять себѣ обычное отношеніе людей къ отдаленнымъ историческимъ событіямъ, чтобы требовать отъ людей сохраненія о нихъ живыхъ воспоминаній до скончанія вѣковъ.

Кромѣ того, современная общеевропейская война по своимъ послѣдствіямъ обѣщаетъ быть гораздо важнѣе и глубже войнъ 1812 года.

Если Богу угодно даровать Россіи побѣду и въ этой исключительной войнѣ, то вызываемая ею въ насъ и потомкахъ нашихъ воспоминанія и чувства, естественно, отгнѣнять на второй планъ все касающееся прежнихъ войнъ.

Благодарность Богу за освобожденіе Россіи и славянства отъ подчиненія столь опасному для славянской души германизму на долгое время составитъ потребность русскаго человѣка, и въ этомъ благодареніи онъ и помимо воспоминанія о событіяхъ 1812 года можетъ достаточно обнаружить и сознание милости Божіей къ Россіи и свою вѣру въ Промыслъ Божій, словомъ, всѣ тѣ чувства и мысли, которыя приписываются молебну, совершаемому въ первый день Рождества.

Другое письмо прислано за подписью „архимандритъ Александръ“. Авторъ заявляетъ, что онъ „весьма охотно, всѣмъ сердцемъ и всею душою“ присоединяется къ мнѣнію почтеннаго о. протоіерея Дернова. Но это трогательное и рѣдкое единеніе архимандрита Александра съ протоіереемъ Дерновымъ, однако, нарушается тѣмъ, что архимандритъ согласенъ выпустить изъ молебна по требованію времени слова „буихъ и звѣронравныхъ“ и тѣмъ, что архимандритъ придаетъ чуть ли не первенствующее значеніе имени составителя молебна.

Надъ молебномъ и его заключительной молитвой, пишетъ о. архимандритъ, работалъ „художникъ славянской рѣчи

„Московский Митрополитъ Филаретъ“. „Въ Петроградѣ вообще холодно относятся къ его памяти, но москвичи, представители сердца Россіи, „достойно и праведно“ умѣютъ чтить и благоговѣть передъ памятью сего великаго святителя“. А въ примѣръ „достойнаго и праведнаго“, почитанія памяти М. Филарета о. архимандритъ приводитъ самого себя. Когда въ Геесиманскомъ скиту вблизи Сергіевой лавры ему показали пожелтѣвшій отъ времени каноникъ, по которому въ той самой комнаткѣ молился Филаретъ, то архимандритъ пришелъ въ такое умиленіе, что почти пересталъ цинимать окружающее. Онъ, по его признанію, тогда чувствовалъ себя „не на землѣ, а на небѣ“. Итакъ, заключаетъ о. архимандритъ, надо беречь и хранить, яко зѣницу, вѣковья „установленія церковныя“, конечно, и молебнѣ на первый день Рождества Христова и впоследствии у насъ было и еще явится много молитвъ и чинопослѣдованій, но лучше Филарета мы никогда не напишемъ ¹⁾).

Почему же о. архимандритъ, подобно г. Поселянину, думаетъ, что испытываемыя имъ чувства какого-то слѣпнаго преклоненія передъ именемъ Митрополита Филарета непременно переживаются и другими и притомъ настолько, что и они теряютъ способность относиться критически ко всему написанному Митрополитомъ. Если бы о. архимандритъ не увѣровалъ такъ въ правильность своихъ чувствъ и справился бы съ учебникомъ церковной исторіи или церковнаго права, то онъ помнилъ бы необходимыя условія постояннаго храненія той или иной молитвы, преданія или обычая. Они соблюдаются въ Церкви вовсе не потому, что введены какимъ-либо знаменитымъ ея представителемъ, а потому, что они согласны со вселенскимъ преданіемъ и соотвѣтствуютъ духу вселенской Церкви. Къ такому заключенію о. архимандритъ могъ бы придти, если бы онъ повнимательнѣе изучилъ хотя бы тотъ самый Катихизисъ, который составленъ столь почитаемымъ имъ Митрополитомъ Филаретомъ.

Такимъ образомъ всѣ выступленія въ газетѣ Колоколь противъ мнѣнія архіеп. Антонія о рождественскомъ молебнѣ по меньшей мѣрѣ не исчерпываютъ вопроса до дна, какъ желала бы газета. Остается еще много незатронутыхъ сто-

¹⁾ Колоколь 24 дек. 1914 г. № 2593.

ронъ въ вопросѣ, да и самый путь его разрѣшенія оказывается какимъ-то колеблющимся, очень зависящимъ отъ личнаго настроенія спорящихъ.

Извѣстно, что въ дѣлѣ разрѣшенія какого-либо вопроса имѣеть важное значеніе его правильная постановка.

II.

При обсужденіи вопроса о совмѣстимости съ празднованіемъ Рождества Христова молебна по случаю избавленія Россіи отъ нашествія Наполеона слѣдуетъ имѣть въ виду самую церковную идею и реализацію во внѣшнемъ мірѣ той ея стороны, которая выражается въ богослуженіи. Имѣть ясное понятіе о церковной идеѣ и ея реализаціи въ мірѣ составляетъ рациональную необходимость для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, связанныхъ съ Церковью, и условіе ихъ правильной постановки. Поэтому и данный вопросъ необходимо обсуждать въ связи съ природой Церкви въ извѣстномъ отношеніи. Нужно хорошо помнить, что церковное общеніе представляетъ изъ себя самодовлѣющее цѣлое, способное жить и развиваться по собственнымъ законамъ и порядкамъ. Его отнюдь нельзя смѣшивать съ общеніемъ государственнымъ. Государство есть явленіе временное, измѣняющееся на протяженіи исторіи даже въ своихъ принципахъ. Церковное же общеніе сразу дано въ своихъ основаніяхъ и принципахъ. Въ этомъ оно остается неизмѣннымъ въ теченіе всѣхъ вѣковъ и предназначено для всего человѣчества. Церковь выступаетъ, какъ общеніе вселенское, и во многихъ отношеніяхъ таинственное, недоступное вполне нашему рациональному познанію. Церковь состоитъ не только изъ людей живущихъ въ настоящее время, но къ ней принадлежатъ Богоматерь, апостолы, множество святыхъ и вообще тѣ, которые скончались въ нравственно-духовномъ союзѣ съ Церковью.

Церковное общественное богослуженіе не есть прошеніе, благодареніе и прославленіе Бога отдѣльными членами Церкви, а совершается отъ имени всей Церкви, всего ея таинственного организма, выходящаго за предѣлы видимаго міра. Между прочимъ это вполне ясно изъ самаго содержанія многихъ богослужебныхъ молитвъ и пѣснопѣній. Наприм.,

въ прмосѣ и тропаряхъ третьей пѣсни канона на недѣлю завай прямо высказывается, что на Христѣ утверждена Церковь зовущая: „осанна благословенъ еси грядый“. Это подтверждается затѣмъ 3 стихирой того же праздника на Господи возвахъ „Приидите и мы днесъ весь новый израиль, яже отъ языкъ Церковь, со пророкомъ Захаріею возопіемъ“, т.-е. весь новый израиль—церковь образовавшаяся изъ язычниковъ, станемъ и мы нынѣ взывать вмѣстѣ съ пророкомъ Захаріею.

Св. Ефремъ Сиріанинъ въ своей бесѣдѣ на праздникъ Входа въ Іерусалимъ прямо заявляетъ: Встань, святая Церковь, срѣтай! славословъ Жениха восклицаніями осанна 1).

Въ томъ богослуженіи, которое предназначено на день Нового года и которое все еще совершается у насъ 1 сентября, когда никто и не думаетъ о наступленіи новаго года, въ 1 тропарѣ 8 пѣсни канона утверждается:

Яко начальнику спасенія, Христе, начатокъ тебѣ приносить лѣтній честная Церковь, зовущи: пойте и превознесите Христа во вѣки.

Если же помнить, что богослуженіе совершается отъ имени всей Церкви, то въ немъ такъ или иначе должны отражаться черты, соотвѣтствующія природѣ Церкви въ ея цѣломъ, а не потребности или настроенія отдѣльных ея членовъ. Въ богослуженіи въ извѣстной степени непременно выражается вселенское сознаніе, вселенскія потребности, мысли и чувства. Особенно это нужно сказать относительно тѣхъ величайшихъ дней міровой исторіи, которые посвящаются событіямъ нашего спасенія, дней Св. Пасхи, Рождества Христова, Богоявленія, Троицына Дня, Благовѣщенія... Дни эти по преимуществу являются днями вселенскими. Въ празднованіи ихъ нравственно-духовно объединяются не только всѣ живущіе на землѣ члены Церкви, но въ немъ принимаютъ таинственное участіе и умершіе ея члены и вообще міръ горній.

Основаніе къ такому вѣрованію Церкви могли дать уже самыя обстоятельства рождества Спасителя, сопровождавшіяся явленіемъ передъ вифлеемскими пастухами, ангеловъ, взывавшихъ: Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ

1) Творенія. Часть V. Москва 1860 г., стр. 28.

Бог. Вѣст. № 1. 1915.

человѣкахъ благоволенія (Лук. II, 8—14), а затѣмъ обстоятельства Его Воскресенія и Вознесенія, при которыхъ въ св. Писаніи ясно отмѣчено участіе міра ангельскаго (Мтѣ.— XXVIII и Дѣян. I, 10—11).

Во всякомъ случаѣ сознаніе какого-то таинственнаго участія этого міра нерѣдко прямо выражается и въ самомъ богослуженіи. Конечно, прежде всего это относится къ литургіи, во время которой совершается таинство св. Евхаристіи, и которую св. Кириллъ Александрійскій называетъ „общесоюзью, соединяющею всѣхъ“. Въ молитвѣ при входѣ сказано: „Владыко Господи Боже нашъ, уставивый на небесахъ чины и воинства ангеловъ и архангелъ, въ служеніе Твоея славы сотвори со входомъ нашимъ входу святыхъ ангеловъ быти, сослужащихъ намъ и сославословящихъ Твою благодость“.

По отношенію къ другимъ церковнымъ службамъ таинственное участіе горняго міра отмѣчается въ богослуженіи на великіе христіанскіе праздники. „Воскресеніе Твое Христе Спасе, ангелы поютъ на небесѣхъ и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити“ — такъ гласитъ, наприм., стихира, которую поютъ при крестномъ ходѣ на утрени въ первый день св. Пасхи.

Если архіепископъ Антоній справедливо утверждаетъ, что богослуженіе великихъ праздниковъ обращается въ одинъ гимнъ нашему Искупителю, то къ словамъ архіепископа нужно только добавить, что этотъ гимнъ проникнуть вселенскими мыслями, чувствами и потребностями.

Вложенныя въ слова церковнаго богослуженія эти мысли и чувства передаются душѣ слушающихъ и снова переживаются нами, воспитывая въ этомъ направленіи нашъ духъ. Люди, принимающіе сознательное участіе въ такомъ богослуженіи, сами наполняются его содержаніемъ и при помощи его, объединяясь со всею Церковью земной и небесной, расширяютъ свое сознаніе до слиянія его со вселенскимъ и возгрѣваютъ въ себѣ по отношенію ко Христу Спасителю вселенскія чувства. Въ этомъ и состоитъ психологическая сторона церковно-общественной молитвы. „Молитвѣ епископа Феофана, значить приводить въ движеніе благочестивыя чувства и расположенія, каждое отдѣльно или всѣ совмѣстно. Какъ скоро приходитъ въ движеніе ка-

кое-либо благочестивое чувство, движется и молитва, и наоборот, пребываніе въ молитвѣ есть пребываніе въ какомъ-либо изъ этихъ чувствъ, а переходъ одного чувства къ другому, какъ бы волненіе благочестивыхъ чувствъ, есть возгрѣваніе молитвы¹⁾.

Душа, приводимая въ состояніе, вызываемое богослуженіемъ великихъ праздниковъ, начинаетъ испытывать какую-то неизъяснимую радость, охватывающую все наше существо.

Вотъ что сообщаетъ по этому поводу Блаженный Теодоритъ въ одномъ изъ своихъ привѣтственныхъ писемъ по случаю праздника: „Въ настоящее время вся суша и море и города и селенія, поелику не видятъ чувственными очами Благодѣтеля, празднуютъ память о благодѣніяхъ. Празднества эти источаютъ столь великую радость, что повсюду текутъ ручьи духовнаго веселія. Посему и мы привѣтствуемъ нынѣ твое богочестіе, свидѣтельствуя какую радость получаемъ отъ праздниковъ. Просимъ твоихъ молитвъ, чтобы сохранить ее до конца“²⁾.

Или вотъ другое свидѣтельство св. Григорія Нисскаго: „Слово въ продолженіе (пасхальной) ночи, оглашая слухъ псалмами и пѣніями и пѣснями духовными и вливая въ душу черезъ слухъ, какъ бы какой потокъ радости, исполняло насъ благими надеждами, а сердце, радостно утѣшаясь тѣмъ, что мы слушали и видѣли, запечатлѣло въ себѣ неизреченное блаженство“³⁾.

Въ этомъ отношеніи великіе христіанскіе праздники представлялись св. Ефрему Сирину какъ своего рода сокровищницы для обогащенія души высшимъ содержаніемъ. „Благій, утверждаетъ св. Ефремъ, видѣлъ обнищаніе и убожество человѣческаго рода, потому какъ сокровищницы учредилъ праздники и отверзъ ихъ для лѣнивыхъ, чтобы праздникъ и лѣниваго побудилъ возстать и обогатиться“⁴⁾.

Христіанство, объединивъ собой небо и землю, уже въ

¹⁾ Начертаніе христіанскаго правоученія. Москва, 1891 г., ч. 2, стр. 394.

²⁾ Твореніе Блаженнаго Теодорита. Письма. Выпускъ I. № 25. Сергиевъ Посадъ 1907 г.

³⁾ Творенія св. Григорія Нисскаго. Часть VII, Москва 1872 г. Слово на святую и спасительную Пасху, стр. 88.

⁴⁾ Творенія ч. V. Москва. 1860 г., стр. 171.

этомъ мірѣ полагаетъ для насъ основаніе того духовнаго состоянія, которое откроется въ будущемъ.

Радость, сопровождаемая оживленіемъ вселенскихъ мыслей, чувствъ и желаній, которую могутъ переживать христіане подъ вліяніемъ великихъ праздниковъ и ихъ богослуженія, представляетъ изъ себя характерную черту будущей жизни. Поэтому естественно, что уже въ силу этого великимъ христіанскимъ праздникамъ приписывается и значеніе таинственное. О днѣ св. Пасхи, наприм., и вообще о днѣ воскресномъ св. Василій Великій говоритъ, что онъ представляетъ изъ себя нѣкоторый прообразъ ожидаемаго вѣка. Онъ знаменуетъ собой по семь вѣкѣ грядущее состояніе, день непрестающій, невечерній, безпремственный, нескончаемый оный и нестарѣющій вѣкъ ¹⁾.

Такое же убѣжденіе съ распространеніемъ его на всѣ великіе праздники высказываетъ, наприм., и Блаженный Теодоритъ: „Творецъ Богъ, пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, возложивши на насъ послѣ грѣхопаденія попеченія и скорби, подаль намъ однако же и поводъ къ утѣшенію, установивши божественныя празднества. Ибо по своему значенію они напоминаютъ намъ о божественныхъ дарахъ и предвозвѣщаютъ полное освобожденіе отъ всякихъ печалей ²⁾).

Христіанскіе праздники представляютъ изъ себя болѣе, чѣмъ одно воспоминаніе священнаго событія. Извѣстный русскій подвижникъ епископъ Теофанъ изображаетъ празднованіе какъ „отрадное ликование духа ради сознанія великихъ милостей Божіихъ“. На праздники нужно оставлять вещественные труды и всякіе заботы и проводить ихъ съ чувствомъ свободы отъ всего этого въ богомыслии и благотвореніи. Нельзя, прибавляетъ еп. Теофанъ, лучше воспитать ожиданіе будущаго вѣка ³⁾.

Поэтому вполне справедливо выражено въ одной книгѣ, что великіе праздники—это проявленіе на землѣ небснаго празднованія, предпразднество того великаго праздника,—

¹⁾ Правила св. отцевъ съ толкованіями. Москва, 1884 г. Правило Василія Великаго 91.

²⁾ Творенія, ч. VII. Письма I, № 5. Серг. Посадъ, 1907 г.

³⁾ Начертаніе христіанскаго нравочученія. Москва 1881 г. ч. II, Отд. 3 § 3, стр. 409.

который откроется въ Царствѣ Божіемъ по кончинѣ міра ¹⁾).

Въ связи съ этимъ таинственнымъ значеніемъ великихъ христіанскихъ праздниковъ долженъ разсматриваться и вопросъ объ отгнѣнѣ въ ихъ дни колѣнопреклоненій. Преклонять колѣна во время молитвы древній церковный историкъ Евсевій Памфилъ называетъ: „свойственнымъ христіанамъ обыкновеніемъ“ ²⁾. Это обыкновеніе не распространялось однако на дни великихъ праздниковъ, какъ видно изъ вселенскаго преданія идущаго изъ глубины первыхъ же вѣковъ христіанства. Св. Петръ Александрійскій свидѣтельствуеъ, что воскресный день мы проводимъ какъ день радости ради Воскресшаго и что мы не пріяли преклонять въ этотъ день колѣна. Объ этомъ сказано и въ его 15 правилѣ ³⁾. Св. Василиій Великій съ своей стороны ссылается на церковные уставы, которые по его утверженію, научаютъ насъ предпочитать въ дни воскресные и дни Пятидесятницы прямое положеніе тѣла во время молитвы ⁴⁾.

Вопросъ объ этомъ разсматривался на Первомъ Вселенскомъ Соборѣ, при чемъ не въ смыслѣ какого-либо нововведенія, до тѣхъ поръ неизвѣстнаго, а ради единообразнаго порядка во всѣхъ епархіяхъ. До свѣдѣнія Собора дошло, что нѣкоторые преклоняютъ колѣна въ день Господень, т. е. въ воскресеніе и въ дни Пятидесятницы. Поэтому Вселенскій Соборъ въ 20 правилѣ постановилъ, чтобы во всѣхъ епархіяхъ одинаково приносили въ эти дни молитвы стоя.

Причины такого обычая въ Церкви хорошо разъясняются св. Василиемъ Великимъ въ 27 главѣ его посланія о св. Духѣ къ Амфилохію. Эта часть главы вошла затѣмъ въ 91 правило св. Василия Великаго Каноническаго Кодекса Православной Церкви.

Стояніемъ во время молитвы въ день воскресенія, свидѣтельствуеъ св. Василиій, мы, какъ совоскресшіе Христу и долженствующіе искать горняго, не только напоминаемъ

¹⁾ Праздники Православной Церкви Москва 1905 г. Изданіе Московской Синодальной Типографіи, стр. 23.

²⁾ Церковная исторія, кн. V, гл. 5.

³⁾ Правила св. отцевъ съ толкованіями.

⁴⁾ Тамъ же.

себѣ о дарованной намъ благодати, но поступаемъ такъ и потому что этотъ день представляетъ нѣкоторымъ прообразомъ будущаго вѣка. Поэтому какъ начало дней и у Моисея онъ названъ не первымъ, но единственнымъ. Этотъ день знаменуетъ собой будущее послѣ настоящаго вѣка состояніе, день не предстающий, невечерній безпреemptвенный, нескончаемый оный и нестарѣющій вѣкъ. Такимъ образомъ Церковь основательно научаетъ своихъ питомцевъ совершать въ этотъ день молитвы стоя, чтобы при частомъ напоминаніи о нескончаемой жизни мы не оставляли въ пренебреженіи, напутствія къ ней. Но и вся пятидесятница есть напоминаніе воскресенія ожидаемаго въ будущемъ вѣкѣ... Церковные уставы научаютъ насъ предпочитать въ эти дни прямое положеніе тѣла во время молитвы яснымъ напоминаніемъ какъ бы переселяя мысль нашу отъ настоящаго въ будущее. „При всякомъ же коленнопреклоненіи и возстаніи мы показываемъ дѣйствіемъ, что черезъ грѣхъ низпали на землю и чловѣколюбиемъ Создавшаго насъ опять возваны на небо“ ¹⁾.

Поэтому естественно, что Трульскій Соборъ объявилъ „отъ богоносныхъ отцевъ канонически переданнымъ не преклонять колѣна въ дни воскресные ради чести Воскресенія Христова“ и въ своемъ 90 правилѣ только подробнѣе опредѣлилъ время въ богослуженіи, съ котораго нужно такъ поступать, именно въ субботу съ вечернимъ входомъ священнослужителя въ алтарь и до вечера воскреснаго дня, когда опять бываетъ входъ священнослужителей ²⁾.

Богослуженіе въ великіе праздники, какъ мы видѣли, рассчитано на общецерковныя вселенскія мысли, чувства и потребности, связанныя съ фактомъ нашего искупленія, и вызываетъ состояніе той неопикуемой радости, которая, по выраженію 5 пѣсни второго канона на Богояленіе, доступна лишь тѣмъ, съ которыми Богъ примирился. Воспринимая въ себя въ достаточной степени такое состояніе, чловѣческая душа начинаетъ переживать необычайное настроеніе, и передъ ней открываются величественныя перспективы

¹⁾ Правила св. отцевъ съ толкованіями. Москва 1884 г. стр. 433 и Правила Православной Церкви съ толкованіями Епископа Долматовскаго Никодима. Т. II, переводъ съ сербскаго. Спб. 1912 г. стр. 472.

²⁾ Правила св. Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями, ч. 2. Москва 1877 г., стр. 365—366.

жизни, въ которой ей чувствуется уже нѣчто присущее будущему вѣку.

Характерной чертой этого настроенія, какъ послѣдствие примиренія съ Богомъ, является сознание сыновства, которое, по разъясненію епископа Теофана, апостоль Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ VIII, 15 считаетъ существеннымъ содержаніемъ строя жизни о Христѣ. Сыновство, исходя изъ всего строя духовной жизни, отражается въ чувствѣ и сознаніи и составляетъ духъ жизни о Христѣ¹⁾.

Праздничное богослуженіе по преимуществу проникнуто духомъ сыновства, и оно способно вводить насъ въ свѣтлость состоянія, соотвѣтствующаго сыновству, и до нѣкоторой степени удовлетворять тому желанію, которое апостоль выражаетъ словами: „всыновленія ожидая“ (Рим. VIII, 23) и которое есть существенная черта будущаго вѣка.

Съ колѣнопреклоненіемъ же, какъ видимъ, Церковь соединяетъ представленіе о низпаденіи на землю вслѣдствіе грѣха и оно связано съ удаленіемъ отъ Бога. Поэтому естественно, что съ оживленіемъ чувства сыновства и нѣкоторымъ проникновеніемъ въ состояніе будущей жизни въ общеніи съ Богомъ, колѣнопреклоненія уже не только излишни, но и какъ напоминаніе о прежнемъ низпаденіи и удаленіи отъ Бога непріятны и не соотвѣтствуютъ праздничному настроенію.

Подъ вліяніемъ праздниковъ наше сознание можетъ подниматься надъ всѣмъ земнымъ, и мы начинаемъ чувствовать себя членами высшаго вселенскаго общенія, предназначеннаго для той жизни, когда, по замѣчанію апостола, всѣ мы—одно во Христѣ Иисусѣ, и передъ этимъ единствомъ теряютъ значеніе и національность и общественное состояніе и поль.

„Ты, убѣждалъ св. Іоаннъ Златоустъ своихъ слушателей, приписанъ къ высшему граду, въ тамошнее гражданство, вступилъ въ общество ангеловъ, гдѣ нѣтъ свѣта измѣняющагося во тму, ни дня оканчивающагося ночью; но всегда день, всегда свѣтъ“.²⁾

Таковъ смыслъ великихъ христіанскихъ праздниковъ. Св.

1) Толкованіе Посланія къ Римлянамъ. Ч. I. Москва 1890 г., стр. 490.

2) Слово на Новый годъ.

Григорій Богословъ имѣлъ достаточное основаніе назвать ихъ „днями таинствъ“¹⁾.

При настроеніи, вызываемомъ праздниками и ихъ богослуженіемъ, съ его неземной радостью и болѣе или менѣе живымъ сознаниемъ сыновства, легко тускнѣютъ и отходятъ на второй планъ мысли, чувства и желанія, связаннаго съ обычной личной или даже народной жизнью. Возвращать къ нимъ въ такихъ случаяхъ вниманіе—это значитъ заставить однихъ людей ощутить въ себѣ какую-то духовную дисгармонію, а у другихъ болѣе слабыхъ понизить ихъ высокое настроеніе и даже затемнить у нихъ самую идею праздничнаго богослуженія.

Обратимся теперь къ празднику Рождества Христова.

Стремленіе возбудить въ людяхъ черезъ его богослуженіе вселенскія чувства и мысли хорошо видно, наприм. изъ третьей стихиры на Господи возвахъ за вечерней 24 Декабря; „Царство Твое Христе Боже, царство всѣхъ вѣковъ и владычество Твое во всякомъ родѣ и родѣ воплотившійся отъ Духа Святаго и отъ приснодѣвы Маріи вочеловѣчившійся, свѣтъ намъ возсія, Христе Боже, Твое пришествіе свѣтъ отъ свѣта отчее сіяніе, всю тварь просвѣтилъ еси, всякое дыханіе хвалить Тя, образъ славы отція: Сыи и прежде Сыи и возсіявый отъ Дѣвы, Боже помилуй насъ“.

Все содержаніе богослуженія на Рождество проникнуто прославленіемъ Спасителя и совершеннаго Имъ черезъ явленіе во плоти спасенія всего человѣчества. На этомъ оно призываетъ сосредоточить наши мысли и чувства, сообщая имъ вселенскій характеръ.

Въ первомъ канонѣ на Рождество, составленномъ св. Козьмой Маюмскимъ и начинающимся извѣстными словами св. Григорія Богослова Церковь славить рождающагося Христа и, напоминая объ Его явленіи на землѣ, приглашаетъ вознестись, т. е. подняться своимъ сознаниемъ надъ обычными интересами земли. „Мудрый Создатель, поясняется въ первомъ тропарѣ первой пѣсни канона, опять возстановляетъ человѣка, который былъ сотворенъ по образу Божію, растлѣлъ отъ преступленія, весь подвергъ поврежденію и лишился высшей Божественной жизни“... „Творецъ, дополня-

¹⁾ Творенія. Ч. I. Москва 1889 г. Слово I, стр. 3—4.

еть второй тропарь перваго ирмоса, видя погибель чело-
вѣка, котораго создалъ своими руками, нисходитъ, прикло-
нивъ небеса, и принимаетъ все его существо, истинно во-
плотившись отъ божественной чистой Дѣвы“ 1)...

Далѣе въ канонѣ напоминаетъ, что все это совершилось
въ предѣлахъ человѣческой исторіи, въ извѣстное время,
въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ связи съ разными прообра-
зами и указаніями Ветхаго Завета.

Наконецъ, какъ бы желая выразить все высказанное въ
немногихъ словахъ, канонъ призываетъ къ благоговѣйному
изумленію, восклицая словами св. Іоанна Златоуста: „Таин-
ство странное вижу и преславное“...

Если первый канонъ на Рождество сосредоточиваетъ вни-
маніе преимущественно на самомъ фактѣ нашего спасенія
черезъ Христа, то второй, написанный св. Іоанномъ Дама-
скинымъ, изображаетъ преимущественно тѣ великія и спа-
сительныя дѣйствія, которыя произошли для всего человѣ-
чества отъ явленія Христа во плоти.

„Владыка явленіемъ своимъ во плоти, сказано въ первомъ
тропарѣ 5 пѣсни канона, очевидно, въ связи со словами ап.
Павла въ посланіи къ Ефессянамъ 11, 14—18, навсегда пре-
сѣкши жестокою враждою нашу съ Нимъ, сокрушилъ силу
душъ пагубнаго властителя, соединилъ міръ съ не веще-
ственными существами и сдѣлалъ Отца доступнымъ для
твари“ 2).

Прославленіе Церковью на землѣ Рождества Спасителя
сопровождается, по ея вѣрованію, и какимъ-то таинствен-
нымъ участіемъ въ этомъ мірѣ горняго.

„Небо и земля днесъ пророчески да возвеселятся, ангелы
и челоуѣцы духовно да торжествуютъ, яко Богъ во плоти
явися“...—такъ свидѣтельствуетъ первая стихира на литіи
за утреней въ первый день Рождества.

Объ этой вселенской радости о рожденіи Спасителя, объ-
единяющей собой землю и небо, Церковь напоминаетъ и въ
последней стихирѣ на литіи: „Ликуютъ ангелы вси на не-
беси, и радуются челоуѣцы днесъ, играетъ же вся тварь

1) Богослужебные каноны на славянскомъ и русскомъ языкахъ, изданные
проф. Е. Ловягинымъ. Петроградъ 1861 г., стр. 3.

2) Тамъ же, стр. 14.

рождшагося ради въ Виелеемѣ Спаса Господа. Яко всякая Лествидольская преста и царствуетъ Христосъ во вѣки“.

Св. Іоаннъ Златоустъ въ своемъ словѣ на Рождество восклицаетъ „Богъ на землѣ, человекъ на небѣ, ангелы сослужать людямъ, люди въ общеніи съ ангелами и прочими горними силами“... ¹⁾

Другой великій представитель Церкви, св. Григорій Богословъ, въ своемъ словѣ на Богоявленіе или на Рождество, которые тогда праздновались въ одинъ день, убѣждаетъ членовъ Церкви прославлять Христа съ пастырями, ликовать съ Ангелами, воспѣвать съ Архангелами, да составитя, поясняетъ св. Григорій, общее торжество небесныхъ и земныхъ силъ. Ибо я увѣренъ, что небесныя силы радуются и торжествуютъ нынѣ съ нами, потому что они человекѣлюбивы и боголюбивы...“ ²⁾

Подобное же убѣжденіе было и у св. Ефрема Сирина, который въ своей бесѣдѣ на Рождество Христово прямо заявляетъ, что онъ съ любовью присоединяется къ тому горнему сонму, который славословилъ достославное время, назначенное для нашего спасенія и благословенный день предуставленный для радостей.

„Съ симъ сонмомъ, восклицаетъ св. Ефремъ, да возвеселюсь и чистыми гѣснопѣніями да восхваляю Младенца, да воспую Рождшемуся: святъ, да прославлю Спасшаго насъ“ ³⁾.

Призывъ къ радости о рожденіи Спасителя всей твари и участіе въ этомъ горняго міра уже само по себѣ показываютъ, что содержаніе всего богослуженія на Рождество должно носить вселенскій характеръ безъ примѣси какихъ-либо мѣстныхъ или частныхъ чувствъ и цѣлей, не имѣющихъ прямого отношенія къ великому событію.

День праздника Рождества св. Ефремъ Сириинъ называетъ „днемъ Господнимъ“. Этотъ день въ его сознаніи выше сравненія и „несравнимъ съ нашими днями.“ Подъ послѣдними св. Ефремъ понимаетъ, повидимому, дни отмѣченные какими-либо воспоминаніями изъ жизни отдѣльныхъ народовъ или людей.

¹⁾ Полное собраніе твореній т. XII. кн. 2. Спб. 1906 г. стр. 787.

²⁾ Творенія ч. III. Москва 1889 г. Слово 38. стр. 206.

³⁾ Творенія ч. 5. Москва 1860 стр. 209.

Насколько глубоко можетъ вліять на насъ сознательное празднованіе этого дня Господня, свидѣтельствуешь, наприм., тотъ же св. Ефремъ Сиринъ:

„Воспламененные гнѣвомъ, говоритъ онъ, приходя видѣть Рождшагося Младенца, примирились и снова сходились между собой съ радостной улыбкой... И огорченные радостныхъ исполнялись ощущеній отъ Тебя, благосердный. Благословенъ Ты, Младенецъ, и огорченныхъ исполняющій сладостныхъ чувствованій! Приходите-ли кто обремененный заботами, увидитъ онъ тебя, и бѣгутъ отъ Него всѣ безпокойства. Подавленъ-ли кто горестью, при Тебѣ забываетъ онъ горестъ свою, и мучимый голодомъ забываетъ при Тебѣ о пищѣ. И путникъ, плѣнившись тобою, забываетъ свой путь ¹⁾).

Въ отношеніи настроенія, въ которомъ должно проводить праздникъ Рождества, вполне можно повторить слова того же слова св. Ефрема Сирина, высказанныя имъ по поводу празднованія Входа Господня во Іерусалимъ. „Въ сей радостный праздникъ да исчезнуть передъ Тобою скорби наши и скверны наши да загладятся благодѣянїями, какія Тобою совершены для насъ“. ²⁾

Относительно празднованія Рождества вполне примѣнимо и указаніе св. Григорія Нисскаго, сдѣланное имъ въ его словѣ на Пасху: „Таково рѣшеніе мудрости—въ день радости забвеніе золь“. ³⁾

Къ этимъ указанїямъ св. отцовъ, которыя необходимо имѣть въ виду каждому по вопросу о праздничномъ богослуженіи, можетъ быть слѣдуетъ добавить еще одно соображеніе. Богослуженіе въ день Рождества имѣетъ задачей объединить людей на радостномъ прославленіи Спасителя за Его благодѣянїя роду человѣческому и въ честь Рожденаго склонять людей къ миру на землѣ. Поэтому всякія молитвы въ это время, напоминающія о враждѣ и раздѣленіи людей и о перенесенныхъ ими по этой причинѣ бѣдахъ, не соотвѣтствуютъ духу праздничнаго богослуженія.

¹⁾ Творенія. Часть V. Пѣсноуѣнія на Рождество § 3, стр. 159 и 191.

²⁾ Творенія ч. V. Бесѣда противъ іудеевъ, стр. 2.

³⁾ Творенія ч. VIII, Москва 1872 г. на святую и спасительную пасху, стр. 89.

О необходимости ограждать вселенскую идею богослуженія великихъ праздниковъ, хорошо рассуждаетъ св. Григорій Нисскій. „Выкажемъ особенности праздника, чтобы какъ слѣдуетъ и соотвѣтственно дѣлу его праздновать. Ибо несоотвѣтственное и чуждое кромѣ того, что не приносить никакой пользы, составляетъ нарушеніе порядка и приличія не только въ рѣчахъ, имѣющихъ предметомъ служеніе Богу и благочестіе, но и въ тѣхъ, кои относятся до внѣшней и мірской мудрости. Ибо неужели найдется столь неразумный и смѣшной риторъ, который, будучи позванъ на свѣтлое торжество брака, оставитъ приличную и блестящую сочувственную радости праздника рѣчь, и начнетъ жалобно пѣть плачевныя пѣсни и оглашать брачные покои печальными разсказами о несчастіяхъ, описываемыхъ въ трагедіяхъ... Если же въ мірскихъ рѣчахъ хороши порядокъ и знаніе дѣла, то гораздо болѣе приличны они, когда дѣло идетъ о великомъ и небесномъ“¹⁾.

Въ связи съ этимъ такъ и напрашивается вспомнить слова апостола, что въ церковной жизни „всяже благообразно и по чину да бываютъ“²⁾.

Такимъ образомъ ясно, что составъ богослужебныхъ молитвъ долженъ находиться въ строгомъ соотвѣтствіи со вселенской идеей празднованія Рождества.

Настроеніе же человѣка, вызванное участіемъ въ богослуженіи, должно сохраняться въ теченіи всего праздника.

Въ Типиконѣ категорически сказано, что „отъ Рождества Христова и до святыхъ Богоявленій никакоже постъ ни колѣнопреклоненія бываютъ ниже въ церкви, ни въ келіяхъ“³⁾.

Къ Рождеству Христову должно быть примѣнено и приведенное выше правило номоканона при Большомъ Требникѣ о воспрещеніи поминовенія усопшихъ во владычный праздникъ⁴⁾.

1) Тамъ же. Слово на св. Пасху о воскресеніи, стр. 58—59.

2) 1 Коринф. XIV, 40.

3) Постѣдованіе 25 декабря.

4) Номоканонъ при Большомъ Требникѣ изданный проф. А. Павловымъ. Одесса 1872 г. ст. 169, стр. 153.

III.

Основную задачу Русской Церкви, какъ и всякой мѣстной, составляетъ единеніе съ Церковью Вселенской и между прочимъ въ духѣ и составѣ богослуженія въ такіе вселенскіе дни, какъ Пасха, Рождество Христово и друг.

Русская Церковь должна быть озабочена, чтобы сыны ея черезъ богослуженіе были воспитываемы во вселенскихъ мысляхъ и чувствахъ относительно Рождества Христова и чтобы ихъ обычное сознаніе поднималось до уровня сознанія себя членами мірового общенія, главой котораго является Самъ родившійся Спаситель.

Если помнить это, то какими слабыми, чтобы не сказать больше, представляются доводы сторонниковъ сохраненія на первый день Рождества молебна по случаю избавленія Россіи отъ враговъ.

Всего мейѣе, конечно, можетъ преслѣдовать Русская Церковь, какъ, повидимому, рекомендуетъ ей поступать г. Поселянинъ, объединеніе, да еще въ первый день Рождества, нынѣшней Россіи съ Русью начала XIX вѣка на почвѣ молитвеннаго воспоминанія объ историческомъ событіи. Уже одинъ фактъ оправданія молебна подобнымъ аргументомъ подрываетъ соображенія г. Поселянина.

Что же сказать затѣмъ о странномъ утвержденіи протоіерея Дернова, что именно этотъ молебенъ насаждалъ святыя чувства въ молящихся и соединялъ всѣ слои общества нашего въ единомъ чувствѣ глубокой благодарности къ Богу за дарованное намъ спасеніе отечества въ постигшую его тяжелую годину.

Что подумать о замѣчаніи протоіерея Дернова, что молебенъ въ день Рождества возвеличиваетъ торжественность праздничнаго богослуженія и является „духовнымъ утѣшеніемъ“ чадъ Русской Церкви.

Вселенское богослуженіе Спасителю въ день Рождества съ его вселенскими мыслями, чувствами и желаніями, находящее себѣ откликъ и на небѣ, возбуждающее состояніе радости и сознаніе сыновства, позволяющее намъ предвкушать условія будущей жизни,—все оно въ глазахъ о. протоіерея, повидимому, недостаточно для торжественности богослуженія и для соединенія всѣхъ слоевъ русскаго общества въ

единомъ чувствѣ высшей благодарности къ Богу за Его милосердное явленіе въ мірѣ, для насажденія святыхъ чувствъ въ молящихся и для духовнаго утѣшенія чадъ Русской Церкви. Для этого полезно еще отслужить послѣ литургіи молебенъ, въ которомъ, такъ сказать, низвести людей съ неба на землю и напомнить людямъ о бѣдахъ земли и царствующей среди нихъ враждѣ.

Не хочется вѣрить, чтобы о. протоіерей могъ удалиться настолько отъ вселенскаго преданія празднованія Рождества и упустить изъ виду, что Русская Церковь уже въ силу свдого единенія съ Церковью Вселенской должна возбуждать въ ея членахъ святія чувства и объединять ихъ въ общей благодарности къ Богу, сосредоточивая ихъ вниманіе на явленіи въ мірѣ Христа съ Его величайшими для насъ послѣдствіями, а вовсе не на воспоминаніи объ избавленіи отечества отъ нашествія Наполеона.

Во всякомъ случаѣ, если увѣренія о. Дернова¹ о вліяніи молебна на молящихся справедливы, то они обращаются противъ него же и свидѣтельствуютъ, что молебенъ нужно перенести на другое время, чтобы онъ не отвлекалъ народъ отъ высшихъ мыслей и чувствъ, свойственныхъ міровому событію Рождества Христова, и не нарушалъ въ Россіи чистоты вселенской идеи празднованія этого событія.

Наконецъ, если бы проф. Дмитріевскій обратилъ больше вниманія на самую церковную идею и реализацію той ея стороны, которая называется общественнымъ церковнымъ богослуженіемъ,—предметъ къ сожалѣнію еще мало изслѣдованный наукой церковнаго права,—то онъ, вѣроятно, удержался бы отъ своего категорическаго заявленія, что кромѣ колѣнопреклоненія никакихъ другихъ литургическихъ и богослужебныхъ затрудненій и недоразумѣній въ совершеніи молебна не встрѣчается.

Послѣ всего сказаннаго остановимъ свое вниманіе на мало извѣстной исторіи введенія въ Россію молебна на первый день Рождества и на его содержаніи.

Исторія эта начинается Высочайшимъ Манифестомъ 30 августа 1814 года:

„Для принесенія Всемогущему Богу, возглашаетъ Манифестъ, теплыхъ и усердныхъ молитвъ за избавленіе Державы Нашей отъ лютаго и сильнаго врага и въ прославленіи

ніе въ роды родовъ сего совершившагося надъ нами промысла и милости Божіей,—постановляемъ мы ежедневное празднованіе въ день Рождества Христова, о чемъ съ подробнѣйшими объясненіями данъ будетъ, Святѣйшимъ Синодомъ Указъ“¹⁾.

Такимъ образомъ празднованіе въ первый день Рождества „избавленія Державы Россійской отъ нашествія галловъ и съ ними два десяти языкъ“, установлено верховной государственной властью.

Въ этомъ распоряженіи верховной власти не было чего-либо новаго и особеннаго. Подобнымъ образомъ дѣйствовали цари по дѣламъ церковнымъ и въ XVI и въ XVII вѣкѣ и въ то время, когда въ Россіи были патріархи. Въ древней Руси было распространено убѣжденіе, которое св. Іосифъ Волоцкій выражаетъ такъ: „Господь Богъ устроилъ царя въ свое мѣсто и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предасть ему и *церковное и монастырское* и всего православнаго государства и всея русскія земли власть и попеченіе вручилъ ему“. Соотвѣтственно этому, наприм., царь Алексѣй Михайловичъ въ 1660 году издалъ грамоту, чтобы всѣ говѣли и исповѣдывались во всѣ четыре поста, а если кому невозможно, то 3 или 2 раза въ годъ и въ крайнемъ случаѣ каждый великій постъ. Иначе, разъясняетъ царь, человекъ недостойнъ называться христіаниномъ и святые отцы воспрещаютъ принимать у таковыхъ приношенія и допускать ихъ въ церковь.

Тотъ же царь въ 1662 году дѣлаетъ распоряженіе поститься всѣмъ въ Филипповъ постъ, а въ монастыряхъ имѣть житье приличное иноческимъ обѣтомъ и кромѣ того въ монастыряхъ и въ соборахъ и мірскихъ церквахъ предъ литургією или послѣ пѣть молебны,—въ понедѣльникъ о соединеніи церквей, въ среду—Богородицѣ, въ пятокъ о побѣдѣ на супостаты²⁾.

Такимъ образомъ самое распоряженіе государя о празднованіи избавленія Россіи отъ войны 1812 года и, какъ уви-

---

1) Полное собраніе Законовъ, Т. XXXII, № 25671.

2) Отношеніе между властью государственной и церковной въ древней Руси. Н. Θ. Каптерева. Богословскій Вѣстникъ 1910 г. Январь, стр. 45 и 48 и 50.

димъ сейчасъ, соединенное съ нимъ повелѣніе совершать по этому поводу молебень, было въ порядкѣ вещей, уже давно установившемся въ Россіи. Но иначе представляется дѣло, если обратить вниманіе на самое содержаніе распоряженія государя. Соединеніе празднованія мірового событія Рождества Христова и событія, относящагося къ исторіи русскаго государства, конечно, не находилось въ согласіи съ вселенской идеей празднованія великихъ событій нашего спасенія. По этой идеѣ такіе праздники, какъ Пасха, Рождество Христово, Пятидесятница и друг. исключаютъ собой всѣ другія празднованія, приходящіяся на эти дни. Наприм., кончина св. Іоанна Златоустаго совпала съ 14 сентября, праздникомъ Воздвиженія Креста Господня. Поэтому 14 сентября не совершается память даже такого великаго представителя Церкви и она вмѣстѣ со службой святителю перенесена на 13 ноября.

Государственная власть, сама, повидимому, просто упустила изъ виду, что пользоваться первымъ днемъ Рождества для церковнаго молитвеннаго воспоминанія историческаго событія не соотвѣтствуетъ вселенской идеѣ этого праздника, а тѣ, которымъ надлежало это разъяснить ей, почему то не сдѣлали этого. Здѣсь, вѣроятно, лишній разъ обнаружился недостатокъ нашего церковнаго управленія уже давно, еще при патріархахъ, получившаго бюрократическій характеръ, при которомъ не слышно независимыхъ голосовъ и церковное общество потеряло интересъ къ дѣламъ церковнымъ.

Какъ бы то ни было, а 30 августа 1814 года въ связи съ Манифестомъ послѣдоваль и Высочайшій Указъ св. Синода. Указъ этотъ почти неизвѣстенъ и потому мы приводимъ его весь: „Нашествіе на Россію страшнаго, злонамѣреннаго и лютаго врага, подкрѣпляемаго силами почти всей преодолѣнной имъ Европы, и вторженіе онаго въ предѣлы Нашей Имперіи, произошло іюня въ 12-й день 1812 года. Отъ сего числа черезъ шесть мѣсяцевъ, а именно того же года декабря къ 25 числу, какъ о томъ Манифестомъ Нашимъ въ сей торжественный день Рождества Христова состоявшимся возвѣщено, не осталось ни единого вооруженнаго на землѣ Нашей непріятеля. Послѣ сего знаменитаго и важнаго въ мірѣ происшествія великій примѣръ и побѣдоносное оружіе

Наше, несомое изъ страны въ страну, возстановляли и ободряли духъ другихъ народовъ, и по мѣрѣ приближенія къ нимъ Нашего превращали ихъ изъ невольнo покорныхъ противной сторонѣ въ добровольныхъ и усердныхъ союзниковъ и сподвижниковъ Нашихъ доколѣ—по многихъ кровопролитныхъ браняхъ и одержанныхъ побѣдахъ, сила и власть угрожавшаго преобладать надъ всѣми Царствами земными, низверженіемъ онаго разрушена и по истребленіи силъ его въ самомъ Парижѣ съ возведеннымъ на Престолъ законнымъ Королемъ Французскимъ Маіа 18 дня 1814 года утверждень и подписанъ всеобщій миръ. Толь чрезвычайное произшествіе, какъ избавленіе Россіи, такъ и спасеніе всей Европы, благостію и милосердіемъ Всемогущаго Промысла совершившееся, палагаетъ на насъ благоговѣйный долгъ учрежденіемъ во всемъ пространствѣ области Нашей всеобщаго празднества и благодаренія Спасителю Богу предать память о семъ грядущимъ временамъ въ роды родовъ. Сего ради, призывая къ тому всю Православную Церковь, учреждаемъ и постановляемъ слѣдующее:

1-е. Декабря 25 число, день Рождества Христова, да будетъ отнынѣ и днемъ благодарственнаго празднества подъ наименованіемъ въ кругу церковного: Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ, и съ ними двадцати языкъ“.

2-е. По окончаніи обычной совершаемой въ день сей службы приносить особое благодарное молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ при чтеніи установленной на сей случай молитвы.

3-е. Во весь день быть колокольному звону. Святѣйшій Синодъ не оставитъ сдѣлать по сему зависящія отъ него распоряженія.

Въ Санктпетербургѣ. Августа 30 дня 1814 года. На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако: ¹⁾

Александръ.

¹⁾ Указъ св. Синоду 30 Августа 1814 г. находится въ Дѣлѣ св. Синода 1814 года № 785, откуда выписанъ священникомъ Г. Добронравовымъ и напечатанъ въ его статьѣ „Послѣдованіе молебнаго пѣнія въ день Рождества Христова“. Московскія Церковныя Вѣдомости 20 іюля 1913 г. № 23.

Во исполненіе этого Указа св. Синодъ 31 Августа 1814 года постановилъ: 1-е Означеннаго Именнаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества Указа, напечатать по числу церквей, для надлежащаго впредь исполненія, разослать при Указахъ изъ Святѣйшаго Синода въ Московскую онаго Контору, къ Синодальнымъ членамъ и прочимъ Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, въ Ставропігiальныя Лавры и монастыри и въ типографскую контору съ тѣмъ, чтобы нынѣ по полученіи оныхъ и по разсылкѣ изъ Консисторій, прочтены были въ церквахъ въ первый воскресный или праздничный день по окончаніи литургіи при собраніи народномъ, а Правительствующему Сенату сообщить вѣденіе. 2-е Молитву для чтенія при семъ учреждаемомъ декабря 25 числа молебствіи, сочинить вновь, что приняли на себя Синодальные члены съ тѣмъ, что по сочиненіи предложить оную Святѣйшему Синоду для общаго утвержденія. 3-е Синодальному члену, преосвященному Серапіону, митрополиту Кіевскому, и Кавалеру и московской типографской конторѣ предписать особенно, чтобы во всѣхъ мѣсяцесловахъ, издаваемыхъ въ типографіяхъ синодальныхъ, Кіево - Печерской и Бессарабской Ексаршіеской, декабря 25 число печатаемо было точно, какъ изображено въ упоминаемомъ имяномъ Высочайшемъ Указѣ—подлин. подписали 2-го сентября 1814. Амвросій М. Новгородскій, Михаилъ А. Черниговскій. Серафимъ А. Тверскій, Духовникъ Павелъ Криницкій, Оберъ-Священникъ Іоаннъ Державинъ, Оберъ-Секретарь Гаврило Журихинъ, Секретарь Петръ Векшинъ. Протоколистъ Степанъ Ильинскій.

Сочиненіе молебна было поручено св. Синодомъ Митрополиту Новгородскому и Петроградскому Амвросію, который съ своей стороны передалъ это дѣло Ректору Петроградской Академіи Архимандриту Филарету.

Объ этомъ ясно свидѣтельствуеть находящаяся при Дѣлѣ св. Синода бумага:

Святѣйшему Правительствующему Синоду отъ нижеподписавшихся: Предложеніе.

Во исполненіе опредѣленія Святѣйшаго Синода, касательно порученія мнѣ сочинить послѣдованіе Благодарственнаго и молебнаго пѣнія Господу Богу, долженствующаго отправляться въ день Рождества Христа Спасителя, въ воспомин-

наніе избавленія церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ, по назначенію моему, ректоромъ здѣшней Академіи Архимандритомъ Филаретомъ оное сочинено и мною признано приличнымъ, которое и предлагаю Святѣйшему Синоду на разсмотрѣніе.

Амвросій М. Новгородскій.

По этому поводу 21 и 28 Сентября 1814 года состоялось слѣдующее опредѣленіе св. Синода:

1814 года сентября 21 и 28 чисель по Указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, вслѣдствіе именнаго Высочайшаго Его Императорскаго Величества Указа, даннаго Синоду минушаго Августа въ 30-й день, о бытіи отнынѣ Декабря 25 числу днемъ благодарственнаго празднества подъ наименованіемъ въ кругу церковномъ: „Рождество Спасителя нашего Иисуса Христа и воспоминаніе избавленія церкви и державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ, и о приношеніи въ день сей, по окончаніи обычной совершаемой службы, особаго благодарнаго молебствія, слушавъ предложенное Синодальнымъ Членомъ, Амвросіемъ, Митрополитомъ Новгородскимъ и Санктпетербургскимъ, сочиненное по назначенію Ректоромъ здѣшней Духовной Академіи Архимандритомъ Филаретомъ послѣдованіе того молебствія, и напечатанное съ онаго въ здѣшней Синодальной типографіи нѣсколько экземпляровъ. Приказали: представить Господину Тайному Совѣтнику, Синодальному Оберъ-Прокурору и Кавалеру, князю Александру Николаевичу Голицыну объ ономъ послѣдованіи благодарственнаго молебствія доложить предварительно Государю Императору и испросить на изданіе онаго Высочайшее соизволеніе, что ради къ оберъ-прокурорскимъ дѣламъ съ сего опредѣленія и съ приложеніемъ трехъ экземпляровъ дать копію, а прочія хранить при дѣлѣ. Подлинное подписали 5 октября 1814 года.

Амвросій М. Новгородскій, Михайлъ А. Черниговскій, Серафимъ А. Тверскій, Духовникъ Павелъ Криницкій, Оберъ-Священникъ Іоаннъ Державинъ, Оберъ-Секретарь Гаврило Журихинъ. Секретарь Петръ Векшинъ. Протоколистъ Степанъ Ильинскій.

Къ дѣлу св. Синода, по утвержденію священника Георгія Добронравова, пришта книжка, содержащая самый

чинъ молебна, представляющей однако небольшія особенности въ сравненіи съ употребляемымъ въ настоящее время. Въ немъ указано, что пророчество — „Съ нами Богъ“ и послѣдующіе стихи всѣ пѣть на оба лика попеременно; затѣмъ, въ первоначальномъ чинѣ указано читать три пареміи — первая — изъ 4 царствъ, XIX, 20—22; 27—28; вторая—изъ Апокалипсиса XIX, 11—16 и третья сохраненная и въ нынѣшнемъ чинѣ изъ Исаія—видѣніе на царя Вавилонскаго. Заканчивается первый чинъ приглашеніемъ одного царскаго многолѣтія.

О. Георгій Добронравовъ поясняетъ, что библійскія параллели событіямъ войны 1812 года еще ранѣе усматривали въ своихъ проповѣдяхъ церковные ораторы того времени. На чинѣ молебна, по утверженію о. Добронравова, особенно отразились разныя выраженія и слова Архіепископа Августина. „Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь“—такимъ привѣтствіемъ, встрѣтилъ Архіепископъ Государя, пріѣхавшаго въ Москву возбудить духъ народа и собрать народное ополченіе. Этими же словами начинается и молебное пѣніе. „Слава въ вышнихъ Богу“—говорилъ тотъ же архіепископъ при извѣстии о побѣдѣ русскаго оружія. Какъ извѣстно, стихира, начинающаяся этими словами, занимаетъ мѣсто тропаря въ благодарственномъ молебнѣ. „Дерзайте люди Божіи“—напутствовалъ архіепископъ Августинъ ополченцевъ. Догматикъ „Всемирную славу...“ составляетъ характерную особенность Рождественскаго молебна. Мѣсто 4 Царствъ XIX, впервые примѣнено къ Наполеону преосвященнымъ Августиномъ, и въ молебнѣ оно служило пареміей ¹⁾).

Чинъ молебна, составленный Митрополитомъ Филаретомъ и одобренный св. Синодомъ, 5 Октября 1814 года былъ представленъ на благовозврѣніе Государя. 3 Января 1816 годъ онъ былъ возвращенъ въ Синодъ съ указаніемъ вмѣсто пѣнія читать стихи „Съ нами Богъ“ съ пропускомъ двухъ первыхъ паремій и съ поправкой предпослѣдняго прошенія сугубой эктени вмѣсто: „Авраамову десятину по еже низложити ему пять царей“—„четыре цари“.

10 Января 1816 года св. Синодъ выслушалъ объявленіе

¹⁾ Московскія Церковныя Вѣдомости № 29, стр. 576.

Оберъ-Прокурора, что Его Императорское Величество, утвердивъ прилагаемый при семь экземплярь благодарственнаго молебствія, которое имѣеть быть совершаемо въ день Рождества Спасителя нашего Иисуса Христа и въ воспоминаніе избавленія Церкви и Державы Россійскія отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти языкъ,—соизволилъ повелѣть Святѣйшему Синоду учинить зависящее отъ него распоряженіе по означенному экземпляру. Къ этому приложенному экземпляру, въ концѣ, пришить полулистъ, сложенный вдвое, на которомъ написано рукою князя: „Государь приказалъ прибавить многолѣтіе воинству такъ нужно въ томъ мѣстѣ гдѣ оное назначено напечатать по прилагаемой запискѣ“. А на запискѣ рукой писца изображено: „Діаконъ: Христолюбивому Все-Россійскому побѣдоносному, Воинству, многія лѣта Ликъ: Многія лѣта, трижды“.

Нужно замѣтить, что въ составленномъ Митрополитомъ Филаретомъ и одобренномъ св. Синодомъ послѣдованіи молебна не было включено возглашеніе вѣчной памяти. О. Георгій Добронравовъ не встрѣтилъ указаній на это въ Дѣлѣ св. Синода 1814 г. № 789, а нашелъ уже въ Архивѣ Московской Синодальной Канторы опредѣленіе св. Синода слѣдующаго содержанія ¹⁾:

„По Указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Синодальнаго члена преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и Санктпетербургскаго съ приложеніемъ для надлежащаго исполненія въ спискѣ, полученнаго имъ въ 22 день Декабря прошлаго 1825 года отношенія Г. Статсъ-Секретаря Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Муравьева слѣдующаго содержанія: я имѣлъ счастье всеподданѣйше докладывать Государю Императору о моихъ съ вами объясненіяхъ во исполненіе Высочайшей Его Величества воли и вслѣдствіе того Его Императорское Величество соизволяетъ, дабы во время установленнаго ежегодно въ 25 день Декабря молебствованіе въ воспоминаніе избавленія Россіи отъ нашествія Галловъ и съ ними двадесяти народовъ, какъ въ наступающій 25 день сего мѣсяца, такъ и на всегда впредь въ оный день былъ наблюдаемъ слѣдующій порядокъ: I-e

¹⁾ Московскія Церковныя Вѣдомости 3 Августа 1913 г. № 31.

въ молитвѣ съ колѣнопреклоненіемъ во время онаго молебствія читаемой слова „Благочестивѣйшаго же Царя нашего Александра Павловича вѣнчать еси оружіемъ благоволенія Твоего“—оставить въ ней навсегда подобно тому, какъ сохраняется имя Императора Петра I въ учрежденномъ на всегдашнія времена молебствованія за побѣду подъ Полтавою вмѣстивъ въ періодъ сей молитвы, начинающійся: „утверди благословеніе Твое на Благочестивѣйшемъ Самодержавнѣйшемъ Великомъ Государѣ нашемъ Императорѣ“ Высочайше имя Его Императорскаго Величества Николая Павловича 2-е послѣ оной молитвы и по возглашеніи многолѣтія Царствующему Императорскому Дому возглашать вѣчную память въ Бозѣ почивающему Государю Императору Александру I, а потомъ уже многая лѣта Христолюбивому всероссійскому побѣдоносному воинству. Таковую Его Императорскаго Величества Высочайшую волю онъ Г. Статсъ-Секретарь сообщаетъ ему преосвященному Новгородскому для надлежащаго по ней исполненія.

Приказали: I-е для должнаго по сему имянному Высочайшему Его Императорскаго Величества повелѣнію исполненія въ Московскую, Грузино-Имеретинскую Св. Синода контору, и синодальнымъ членамъ и прочимъ преосвященнымъ епархіальнымъ, также въ Ставропитіальныя лавры и монастыри, главнаго штаба Его Императорскаго Величества къ оберъ-священнику и въ типографскую контору послать указы. 2-е означеннаго молебнаго пѣнія въ упоминаемое 25 число Декабря отправляемаго, напечатавъ въ здѣшней синодальной типографіи, вновь согласно во всемъ выше-прописанному Высочайшему повелѣнію разослать при тѣхъ указахъ во всѣ епархіи по числу монастырей, соборовъ и церквей потребное количество экземпляровъ, съ таковымъ предписаніемъ, чтобы отправленіе по онымъ въ церквахъ молебствій непремѣнно было начато съ 25 Декабря сего года и продолжается навсегда, вмѣсто тѣхъ, кои были разосланы въ 1815 году ¹⁾.

---

¹⁾ Ошибка писца или составителя указа. Опредѣленіе Св. Синода о выпускѣ этихъ молебствій состоялось 26 Гевваря 1816 г. И впервые былъ напечатанъ чинъ этого молебна отдельной книжкой въ 1816 г. Одну изъ такихъ книжекъ въ синей бумажѣ видѣлъ о. Доброправовъ, съ обозна-

Изъ этого распоряженія св. Синода видно, что Статсъ-Секретарь Муравьевъ по повелѣнiю Императора Николая I имѣлъ объясненiе съ Митрополитомъ Новгородскимъ и Петроградскимъ Серафимомъ по поводу содержанiя молебна и уже послѣ этого Статсъ-Секретарь Муравьевъ сообщилъ Митрополиту Серафиму о Высочайшемъ повелѣнiи между прочимъ возглашать въ концѣ молебна вѣчную память Императору Александру I. Во исполненiе этой Высочайшей воли и послѣдовало приведенное здѣсь опредѣленiе св. Синода о совершенiи молебна въ новой его редакци, начиная съ 25 Декабря 1825 года.

Нѣкоторыя дополнительныя свѣдѣнiя по исторiи введенiя молебна на первый день Рождества сообщаетъ протоіерей К. Никольскій въ его „Пособiи къ изученiю устава Богослуженiя Православной Церкви“. Молитва, читаемая на молебнѣ, оказывается составленной въ двухъ редакціяхъ. Въ изданiяхъ въ 1826 и 1882 годахъ она напечатана болѣе пространно, а въ другихъ въ 1870 году въ сокращенiи. Св. Синодъ своимъ опредѣленiемъ 18 Марта 4 Мая 1882 года разрѣшилъ читать молитву въ томъ и другомъ видѣ ¹⁾.

Итакъ по распоряженiю верховной государственной власти къ празднованiю Рождества Христова присоединено празднованiе избавленiя Россiи отъ нашествiя Наполеона и по распоряженiю той же власти послѣ литургiи перваго дня Рождества совершается по этому поводу молебенъ съ провозглашенiемъ вѣчной памяти.

Оставалось какъ-либо и внутренне связать молебенъ съ событiемъ Рождества Спасителя, и это стремленiе обнаруживается во второй стихирѣ молебна, составленной, повидимому, въ подражанiе или въ дополненiе первой. Первая стихира на молебнѣ взята изъ утрени на первый день Рождества и гласитъ: „Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ: днесъ воспріемлетъ Вифлеемъ сѣдящаго присно съ Отцемъ: днесъ ангели младенца рожденнаго боголѣпно славославятъ: Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ въ че-

---

ченiемъ: Печатано въ Московской Синодальной Типографiи 1816 года. Позже этотъ чинъ отдѣльно не печатался.

¹⁾ Пособіе къ изученiю устава Богослуженiя Прав. Церкви. Спб. 1894 г. Часть III, Отд. I: гл. 2.

ловѣцѣхъ благоволеніе“. Въ этой стихирѣ Церковь воспѣваетъ славу Богу и миръ на землѣ, потому что сегодня въ Вифліемѣ воспринялъ воплотившагося Христа, всегда прибывающаго со отцомъ.

Вторая стихира составлена собственно для молебна и гласить:

„Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ, се бо Агнецъ Вифлеемскъ льва и змія нами поправъ, міру миръ дарова. Тѣмъ со Ангелы Младенцу міродержавному боголѣпцу Славу принесемъ: Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ челоувѣцѣхъ благоволеніе“ ¹⁾.

Здѣсь слава Богу и на земли миръ провозглашаются уже потому, что Христось, называемый Вифлеемскимъ Агнцемъ, нами, т. е. черезъ русскую армію и народъ, поправъ изображаемыхъ подъ видомъ льва и змія политическихъ враговъ, даровалъ миръ міру.

Спаситель представляется здѣсь подъ видомъ Вифлеемскаго Агнца, вѣроятно, лишь потому, что Манифестомъ 30 Августа 1814 года повелѣно праздновать въ день Рождества избавленіе Россіи отъ нашествія Наполеона.

Ангельскій гимнъ родившемуся Христу съ его вселенскими мыслями и чувствами, охватывающій собой небо и землю, возвѣщаетъ намъ, что люди становятся во Христвъ новою тварью и черезъ это даруется миръ міру, а въ насъ образуется новое сознаніе себя членами Царства Христа безъ различія націи и пола.

Между тѣмъ вторая стихира при повтореніи этого гимна низводитъ наше сознаніе до разсматриванія себя въ качествѣ людей извѣстнаго государства, сражавшихся съ другими народами, да еще такихъ, которыхъ Христось избралъ Себѣ орудіемъ, чтобы черезъ нашу побѣду надъ врагами даровать міру миръ. Очевидно, и миръ-то этотъ имѣетъ малообщаго съ тѣмъ, который принесло челоувѣчеству явленіе на землѣ Христа и представляетъ изъ себя не болѣе, какъ временное отсутствіе войны, которая возгоралась не разъ и въ теченіе прошлаго вѣка и съ невѣроятной враждой народовъ происходитъ на нашихъ глазахъ.

¹⁾ Послѣдованіе благодарственнаго и молебнаго пѣнія въ день Рождества Господа нашего Иисуса Христа: Спб.

Содержаніе второй стихиры дѣйствительно заставляетъ сказать, что нельзя вѣчное и міровое умалять до временнаго и частнаго.

Это умаленіе міроваго и вѣчнаго необходимо устранить и перемѣной читаемаго на молебнѣ Евангелія, какъ это утверждаетъ и архіепископъ Антоній. Въ виду благодарственнаго характера молебна на немъ, по нашему мнѣнію, слѣдовало бы читать Евангеліе Луки объ исцѣленіи 10 прокаженныхъ, въ которомъ самъ Спаситель ясно указываетъ на необходимость для человѣка благодарить Бога за полученныя имъ милости.

Если наконецъ обратить вниманіе на эктениі и молитву за молебномъ, въ которыхъ говорится о „годинѣ искупеній“, о необходимости хорошо о ней помнить, о томъ, чтобы впредь Богъ помиловалъ насъ отъ дней печали, то все это, пригодное для другихъ дней года, не соотвѣтствуетъ однако духу вселенскаго празднованія Рождества Христова. При этомъ празднованіи, какъ сказано св. Ефремомъ Сириномъ, должны исчезнуть передъ Богомъ наши скорби или, какъ выражается св. Григорій Нисскій, въ день радости забвеніе золь.

Нечего, конечно, и говорить, что несоотвѣтствіе настроенію, которое стремится вызвать Церковь у празднующихъ Рождество, достигаетъ особенно рѣзкой формы, когда диаконъ въ концѣ молебна при чтеніи молитвы приглашаетъ стать на колѣна, а черезъ нѣкоторое время совершаетъ молитвенное поминовеніе усопшихъ: „Во блаженномъ успеніи вѣчный покой подаждь Господи усопшему рабу Твоему Благочестивѣйшему Великому Государю Императору Александру I и всѣмъ за вѣру, за царя и отечество на брани животь свой положившимъ и сотвори имъ вѣчную память“. Въ этомъ уже не только искаженіе духа вселенскаго богослуженія на Рождество, но и явное нарушеніе церковнаго устава.

Что сказать о молебнѣ, совершенномъ 25 Декабря 1914 года вмѣсто обычнаго? Съ нимъ едва-ли не вышло еще хуже. Обычный молебенъ по крайней мѣрѣ носилъ характеръ благодарственнаго, а новый оказался просительнымъ и притомъ о побѣдѣ надъ врагами при помощи меча.

„Милостивый Господи порази враговъ подъ ноги наша“— вотъ основное прошеніе молебна. И развѣ онъ не вноситъ

еще большій диссонансъ въ то душевное состояніе, которое должно вызывать богослуженіе въ день Рождества, а особенно литургія. Въ это время по преимуществу всякая плоть человѣческая должна умолкнуть и не помышлять въ себѣ ничего земнаго, устремивъ всѣ свои мысли къ Царю Царствующихъ и совершенному Имъ спасенію людей.

Въ заключеніе во избѣжаніе недоразумѣнія слѣдуетъ замѣтить, что все изложенное о празднованіи Рождества Христова и его богослуженіи имѣетъ въ виду людей, принимающихъ въ этомъ болѣе или менѣе сознательное участіе, а изъ нихъ особенно тѣхъ, которые подъ руководствомъ Церкви подготовили себя къ празднованію Рождества. Съ этой именно цѣлью установленъ, такъ называемый, Рождественскій постъ и еще за нѣсколько недѣль до 25 Декабря церковное богослуженіе напоминаетъ о приближеніи праздника, а съ 20 Декабря начинается, такъ называемое предпразднество. Богослуженіе въ эти дни стремится уже вызвать мысли и чувства, съ которыми нужно встрѣтить самый праздникъ. Но на свѣтѣ живетъ немало людей, которые едва-едва поддерживаютъ связь съ Церковью и которые изъ всего рождественскаго богослуженія хорошо помнятъ лишь слова: „Христосъ рождается, славите“, да и то слышанныя имъ чуть-ли не въ дѣтствѣ. На литургію же перваго дня Рождества они успѣваютъ обыкновенно лишь къ молебну и нерѣдко только въ виду своего оффиціального положенія какъ должностнаго лица.

Конечно, подобные люди не могутъ почувствовать какой-либо дисгармоніи въ душѣ, какія бы службы въ первый день Рождества не совершались и какое бы содержаніе ихъ ни было. Для такихъ людей можетъ быть хорошо, что они благодарятъ Бога въ этотъ день хотя за избавленіе отъ нашествія Наполеона.

Но вѣдь не о такихъ людяхъ идетъ рѣчь и не на ихъ духовное состояніе разсчитано богослуженіе на Рождество.

Такимъ образомъ глубоко правъ архіепископъ Антоній и другіе іерархи, которые нашли несомнѣстимымъ съ первымъ днемъ Рождества служеніе молебна за освобожденіе Россіи отъ нашествія Наполеона.

Въ Россіи необходимо возстановить чистоту вселенскаго празднованія Рождества Христова, чѣмъ еще болѣе закрѣпится наша связь со Вселенскою Церковью.

По нашему мнѣнію, охраненіе въ Россіи вселенскаго со-знанія и еще болѣе широкая связь съ Церковью Вселенской гораздо вѣрнѣе обезпечать и наши побѣды въ небывалой и тяжелой современной міровой войнѣ. Все это въ извѣстномъ смыслѣ явится тѣмъ обстоятельствомъ, тѣмъ сѣменемъ настоящей жизни, изъ-за котораго обѣщано было пощадить даже такіе города какъ Содомъ и Гоморру.

IV.

Выясненіе вселенской идеи празднованія Рождества и споры о рождественскомъ молебнѣ ввели насъ въ область вопросовъ богослуженія. Поэтому позволяемъ себя кстати задержать еще на нѣкоторое время въ этой области вниманіе и сказать нѣсколько словъ о другихъ недостаткахъ, укоренившихся въ русскомъ богослуженіи.

Церковное богослуженіе оказываетъ глубокое вліяніе на духовную жизнь народа, а по условіямъ нашего времени оно обыкновенно представляетъ главный факторъ воздѣйствія Церкви на человѣческую душу.

Еще Тертуллианъ, писатель III вѣка, свидѣтельствовалъ, что во время богослуженія воспитывается вѣра, укрѣпляется надежда, утверждается мужество.

Русскій философъ В. С. Соловьевъ не могъ не признать, что въ обрядахъ, символахъ, церковныхъ пѣсняхъ воплощается этическое содержаніе религіи. Это столь необходимое для народа воплощеніе нравственнаго содержанія религіи происходитъ въ богослуженіи въ наиболѣе доступной народу формѣ. Не слѣдуетъ забывать, что съ участіемъ въ церковномъ богослуженіи связанъ фактъ принятія нашими предками христіанства отъ Византіи „Придохомъ въ Греки, передаетъ Софійская лѣтопись рассказъ вернувшихся изъ Константинополя русскихъ людей, и ведоша ны, идѣже служатъ Богу своему, и не свѣмы, на небесѣхъ есмы были или на земли: нѣсть на земли такового вида или красоты такового, недоумѣемъ бо сказати: токмо то вѣмы, яко ту отинудъ Богъ съ человѣкы пребываетъ и есть служба ихъ паче всѣхъ странъ. Мы убо не можемъ забыть тоя красоты, всякъ бо

человѣкъ еще вкусить сладко, послѣди же горести не пріимаетъ, тако и мы не можемъ сдѣ быти“¹⁾).

Русская душа, какъ видимъ, еще въ языческомъ состояніи оказалась способной почувствовать скрытый въ православномъ богослуженіи духъ, а затѣмъ на протяженіи всей нашей исторіи богослуженіе было важнѣйшимъ факторомъ въ дѣлѣ поддержанія церковно-религіознаго настроенія народа. Поэтому охранять чистоту богослуженія и стремиться доводить его до сознанія народа составляетъ одну изъ первыхъ обязанностей пастырской дѣятельности.

Между тѣмъ въ Россіи уже давно укоренился постоянно бросающійся въ глаза, очень вредный, обычай пренебрегать пѣніемъ стихирь за вечернимъ и утреннимъ богослуженіемъ. Стихиры воспѣваютъ празднуемое событіе и его значеніе и составляютъ необходимую принадлежность этого богослуженія.

Во многихъ церквахъ пренебреженіе пѣніемъ стихирь доходитъ до того, что на „Господи возвахъ“ или ограничиваются одной первой стихирой или не поютъ ни одной, а затѣмъ сразу поютъ послѣднюю стихирю на выходѣ.

Стихиры на стиховнѣ пропускаютъ вовсе и прямо переходятъ часто къ никому не нужному, театральному пѣнію „Нынѣ отпускаеши“...

Во многихъ мѣстахъ пѣніе стихирь пытаются замѣнить чтеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, что, конечно, совершенно не достигаетъ цѣли, имѣвшейся въ виду богослужебнымъ уставомъ относительно стихирь, особенно если вспомнить отсутствіе у насъ въ большинствѣ церквей не только выразительнаго, но и просто внятнаго чтенія, которое можно было бы хотя хорошо слышать. Нечего и говорить, что чтеніе стихирь въ большихъ храмахъ, какъ наприм. въ Исаакіевскомъ, или Казанскомъ Соборѣ въ Петроградѣ, или въ храмѣ Христа Спасителя въ Москвѣ, гдѣ нужны еще особые голоса чтецовъ и умѣнье ихъ приспособляться къ размѣрамъ храма, является обыкновенно простой формальностью, ничего не доносящей не только до сердець, но и до ушей молящихся.

¹⁾ Полное собраніе лѣтописей Спб. 1851 г. томъ V, стр.—117.

Нельзя не отмѣтить, что пренебреженіе пѣніемъ стихирь распространяется все болѣе и болѣе и даже коснулось монастырей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и между прочимъ во многихъ женскихъ монастыряхъ Москвы вмѣсто пѣнія стихирь на хвалитехъ и даже на стиховнѣ, въ явное нарушеніе устава, ограничиваются ихъ чтеніемъ, и все это сокращаетъ службу на какія-нибудь 15—20 минутъ.

При подобномъ отношеніи къ стихирамъ богослуженіе пріобрѣтаетъ однообразный характеръ, и событія великихъ праздниковъ или вовсе не представляются сознанію молящихся или въ очень обрѣзанномъ видѣ. Сколько спасительныхъ мыслей и высокихъ чувствованій, выраженныхъ церковью въ стихирахъ, скрывается этимъ путемъ отъ народа! Особенно это нужно сказать относительно стихирь великихъ дней Страстной недѣли. Казалось бы, каждая черта изъ исторіи послѣднихъ дней земной жизни Спасителя, ея значеніе для насъ и возбуждаемая ею чувства, отмѣчаемая Церковью въ ея пѣснопѣніяхъ, отнюдь не должны быть скрываемы отъ народа, который обыкновенно только и получаетъ возможность знать обо всемъ этомъ изъ нашего богослуженія.

Вотъ наприм. стихиры за утреней и литургіей Великой Среды, полныя глубиной покаяннаго чувства, съ художественно изображеннымъ обращеніемъ къ милосердію Спасителя жены грѣшницы, помазавшей ноги Его драгоценнымъ муромъ:

„Приступи жена злосмрадная и оскверненная, слезы проливающе, любящи Спасе, страсть исповѣдаючи: како въззрю къ Тебѣ владыцѣ, Самъ бо припшелъ еси спасти блудницу изъ глубины умершую мя воскреси, иже Лазаря воздвигнувый изъ гроба четверодневна: пріими мя окаянную Господи и спаси мя“.

Столь необходимое для большей глубины покаянія сознаніе противоположности грѣшника и Христа съ еще съ большей силой выражено въ слѣдующей стихирѣ: „Отчаянная жизни ради и увѣдомая права ради, мвѣра носящая приступи Тебѣ вопіючи: да не отвержеши мене блудную, родивыйся отъ дѣвы: да не презриши моя слезы, радости ангельвъ, но пріими мя кающуюся, юже не отринуть еси согрѣшающую Господи, великія ради Твоя милости“.

Возможно живѣе представить себѣ Спасителя съ женой

грѣшницей для насъ грѣшныхъ бываетъ отраднѣе, чѣмъ видѣть Его окруженнаго Ангелами. Вѣдь и самъ Христосъ объявилъ: „гдѣ ни будетъ проповѣдано Евангеліе сіе въ цѣломъ мірѣ сказано будетъ въ память ея и о томъ, что она сдѣлала“ (Матѹ. XXVI, 13, Марк. XIV, 9).

Казалось бы, уже самыя эти слова Спасителя обязываютъ архипастырей и пастырей заботиться, чтобы въ сознаниі народа возможно ярче запечатлѣлась эта картина милостиваго отношенія Христа къ грѣшнымъ людемъ. Намъ лично приходилось не только слышать признанія, но и быть свидѣтелемъ, какъ у самыхъ обыкновенныхъ людей стихиры Великой Среды возбуждали въ душѣ покаяніе, раскрывали его главныя черты и бездну Милосердія къ намъ Спасителя, а это особенно важно и для обычно совершающейся въ этотъ день исповѣди большинства приступающаго къ ней Великимъ постомъ.

Все это вмѣстѣ, очевидно, и побудило Церковь установить пѣніе указанныхъ стихиръ, и осуществленіе этой благой цѣли уже давно встрѣчаетъ препятствіе въ безпорядкахъ нашего русскаго богослуженія.

А вотъ затѣмъ стихиры за вечерней Великой Пятницы и литургіей Великой Субботы. Въ нихъ образно и съ великой силой слова указывается, что въ эти дни совершилось „страшное и преславное таинство“, то исключительное мировое событіе, которое измѣнило смыслъ и направленіе чело-вѣческой исторіи.

Начинаясь словами „Днесъ адъ стена вопіеть“, стихиры Великой Субботы картинно изображаютъ смятеніе ада при явленіи Воскресшаго Христа. Внимающіе имъ нерѣдко чувствуютъ какое-то великое успокоеніе въ душѣ и горизонтъ ихъ сознанія относительно совершеннаго Спасителемъ дѣла расширяется далеко за предѣлы окружающей жизни. Вообще благодаря скрытой въ стихирахъ Страстной недѣли великой силы духовнаго созерцанія и глубины чувства онѣ въ той или въ другой степени вызываютъ у молящихся проясненіе смысла страданій Спасителя и благодарность къ Нему.

И увы! всего этого богатства мыслей, созерцанія и чувствъ оказываются лишенными сотни тысячъ молящихся на Стра-

стной недѣлѣ въ храмахъ Россіи за исключеніемъ сравнительно уже немногихъ.

Но вѣдь это преступленіе относительно духовной жизни народа! хочется сказать въ поясненіе. Да, это такъ и есть, и объ этомъ преступленіи пора уже заявить открыто.

Подобное пренебрежительное отношеніе къ важной сторонѣ богослуженія чѣмъ можно объяснить другимъ кромѣ какъ или непониманіемъ значенія богослуженія или равнодушіемъ къ его вліянію на народъ, или лѣнностью продолжать его на какія нибудь 15—20 минутъ?

Если бы у насъ былъ открытый церковный судъ, то очень много лицъ, которые обязаны заботиться о чистотѣ богослуженія, подлежали бы этому суду, и на немъ мы увидѣли бы причины современнаго печальнаго состоянія нашего богослуженія. А пока о причинахъ этого приходится лишь догадываться и отыскивать ихъ ощупью.

Если ужъ необходимо сокращать наше богослуженіе, то это никакъ не должно вести къ уничтоженію пѣнія стихирь. Сокращеніе нужно дѣлать за счетъ чтенія каѳизмъ, ограничиваясь въ нихъ однимъ псалмомъ, и чтенія между ирмосами тропарей канонѡвъ, выбирая изъ нихъ одинъ наиболѣе ясный для пониманія. Вообще канѡны, повидимому, во многомъ въ зависимости отъ ихъ перевода съ греческаго, обыкновенно менѣе понятны, чѣмъ стихирь, всѣ отличающіяся простотой и ясностью выраженія.

Въ Петроградѣ же кромѣ того, гдѣ уже давно вошло въ обычай не пѣть стихирь, слѣдовало бы измѣнить столь укореившійся однообразный, не обращающій вниманія на существованіе 8 гласѡвъ, растянутый напѣвъ съ какими то выкрикиваніями. Этотъ напѣвъ значительно и безъ всякой пользы для содержанія удлинняетъ церковныя службы, особенно если пѣвчіе, какъ это обыкновенно бываетъ въ Петроградѣ, придерживаются еще итальянскаго пѣнія и начинаютъ исполнять концерты, свойственныя не церковнымъ службамъ, а театральнымъ заламъ.

Въ этомъ отношеніи лучшимъ образцомъ для всей Россіи можетъ служить богослуженіе Московскаго Успенскаго Собора. Здѣсь переложенныя на музыку древніе напѣвы съ примѣненіемъ 8 гласѡвъ при умѣломъ исполненіи ихъ хоромъ дѣлаютъ пѣніе не только красивымъ, но и очень выра-

зительнымъ и вмѣстѣ лишеннымъ столь обычной въ другихъ мѣстахъ Россіи разслабляющей вниманіе растянутости. Слова, а за ними и смыслъ церковныхъ пѣсней, какъ-то легко проникають въ душу, и многіе уходятъ изъ собора съ большимъ или меньшимъ сознаніемъ, какая глубина чувства и высота духовнаго созерцанія скрыта въ церковномъ богослуженіи.

Пѣніе по своему значенію для человѣка отличается отъ чтенія, и это принято во вниманіе при установленіи порядка богослуженія. Не безъ основанія же, наприм., богослуженіе Пасхальной недѣли состоитъ изъ одного пѣнія. Поэтому отнюдь не слѣдуетъ произвольно замѣнять пѣніе чтеніемъ и извращать задачу и духъ богослуженія. Слушая стройное пѣніе, человѣкъ глубже и шире можетъ поддаваться вліянію богослуженія. По разъясненію св. Аванасія Великаго, пѣніе составляетъ потребность души, чтобы быть ей въ добромъ расположеніи, какъ сказано, въ посланіи ап. Іакова, V, 13. „благодумствуетъ-ли кто, да поетъ“.

Пѣніе установлено для душевной пользы и производитъ дѣйствіе свойственное своей природѣ. Основанное на согласіи звуковъ, оно ^{способно} вызываетъ извѣстную гармонію и въ душѣ, устраняя обычный въ насъ раздоръ съ самимъ собой. Душа начинаетъ начальствовать надъ тѣлесными членами приводя ихъ въ послушаніе разуму, „чтобы какъ бряцало въ гармоніи, такъ самъ человѣкъ содѣлавшись псалтыремъ и внимая духу всецѣло, во всѣхъ членахъ и движеніяхъ послушенъ былъ и служилъ Божьей волѣ“.

Благозвучіе рѣченій, замѣчаетъ св. Аванасій, происходитъ отъ благонастроенности души и отъ ея согласія съ духомъ. Хотя поють устами, но воспѣвая вмѣстѣ и умомъ, великую доставляютъ пользу не только себѣ но и желающимъ ихъ слушать. Такъ блаженный Давидъ, поя передъ Сауломъ, и самъ благоугождалъ Богу и удалялъ отъ Саула смятеніе духа и припадокъ неистовства и приводилъ душу его въ успокоеніе“. Вообще подъ вліяніемъ пѣнія душа приходитъ въ болѣе спокойное состояніе и дѣлается тѣмъ способнѣе къ живости представленій того, что она слышитъ ¹⁾.

¹⁾ Творенія св. Аванасія Великаго, ч. IV, Сергіев. Посадъ. 1903 г. стр. 29—33.

На вопросъ о значеніи пѣнія для человѣка останавливаетъ вниманіе и св. Іоаннъ Златоустъ. „Богъ, говоритъ онъ, видя, что многіе нерадивы, тяготятся чтеніемъ духовныхъ писаній и неохотно принимаютъ на себя этотъ трудъ, пожелалъ сдѣлать этотъ трудъ вождельнымъ и уничтожить чувство утомленія. Богъ соединилъ съ пророчествами мелодію, чтобы всѣ, услаждаясь стройностью напѣва, съ великимъ усердіемъ возносили Ему священныя пѣснопѣнія“. Ничто такъ не возвышаетъ и не окрыляетъ душу, не отрѣшаетъ ее отъ земли, не избавляетъ отъ узъ тѣла, не располагаетъ любомудрствовать и презирать все житейское, какъ согласное пѣніе и стройно составленная божественная пѣснь. Разными примѣрами изъ жизни святитель доказываетъ, что пѣніе свойственно нашей природѣ. „Часто и путешественники, замѣчаетъ онъ, въ жаркій полдень погоняя вьючныхъ животныхъ, продолжаютъ путь съ пѣніемъ и этими пѣснями облегчаютъ тяжесть путешествія“. То-же-самое происходитъ и съ земледѣльцами, съ работающими женщинами и друг. ¹⁾

А вотъ свидѣтельство о значеніи пѣнія Блаженнаго Августина, высказанное имъ въ его извѣстной Исповѣди на основаніи богатаго опыта собственной жизни.

„Звуки духовныхъ пѣсней, пишетъ Августинъ, достигая ко мнѣ вмѣстѣ съ священными изреченіями ихъ оживляющими, ищутъ въ сердцѣ моемъ извѣстнаго мѣста и едва ли я даю имъ надлежащее. Иногда мнѣ кажется, что я чту эти звуки болѣе надлежащаго, замѣчая, что при однихъ и тѣхъ же священныхъ словахъ сердца наши болѣе возгораются огнемъ благочестія, когда эти слова поются такъ, чѣмъ еслибы они пѣлись иначе. Всѣ наши душевныя движенія по своему различію имѣютъ соотвѣтственныя выраженія въ голосѣ и пѣніи, возбуждая по какой-то таинственной симпатіи тѣ же ощущенія въ душѣ слушателя.

Когда я, признается бл. Августинъ, вспоминаю слезы, которыя я проливалъ во время пѣснопѣній церкви Твоей въ началѣ моего обращенія къ вѣрѣ, когда я замѣчаю, что и теперь я трогаюсь не самымъ пѣніемъ, но предметами пѣснопѣній, если они поются чистымъ голосомъ и съ прилич-

¹⁾ Полное Собраніе Твореній т. V кн. Спб. 1899 г. Беседа на 41 псаломъ, стр. 151.

нѣйшею модуляціей, то снова сознаю всю пользу этого учрежденія. Такимъ образомъ я колеблюсь между опасеніемъ удовольствія и опытомъ пользы и болѣе склоняюсь, не давая впрочемъ своего сужденія за непогрѣшительное, къ тому, чтобы одобрить въ церкви обычай пѣнія, чтобы черезъ наслажденія слуха немощный духъ восторгался къ чувству благочестія. „Однако, добавляетъ Бл. Августинъ, когда мнѣ случается болѣе увлечься пѣніемъ, чѣмъ предметамъ пѣснопѣнія, то я со скорбью сознаю свой грѣхъ и тогда желалъ бы лучше не слышать пѣвца“ ¹⁾.

Установленіемъ стройнаго церковнаго пѣнія въ соотвѣтствующемъ ему духѣ много занимались въ IV вѣкѣ св. Ефремъ Сиринъ и св. Іоаннъ Златоустъ, а въ VIII вѣкѣ св. Іоаннъ Дамаскинъ, авторъ многихъ каноновъ, стихирь и пѣснопѣній за умершихъ, привелъ въ ясность и систему самыя основы церковнаго пѣнія, принятія Церковью подыменемъ системы церковнаго осмогласія. Осмогласіе, по выраженію И. Вознесенскаго, это вѣковой памятникъ древняго пѣвческаго искусства и обычая Православной Церкви, изложенный въ Октоихѣ св. Іоанна Дамаскина во всей его полнотѣ и ясности и переданный клиру съ практическими примѣненіями, предупреждалъ на будущія времена ошибки въ пѣснотвореніи и построеніи церковныхъ мелодій, а также и произволь несогласный съ характеромъ богослуженія“ ²⁾.

По разъясненію такихъ изслѣдователей церковнаго пѣнія, какъ композиторъ Львовъ и князь Одоевскій, церковное пѣніе представляетъ самостоятельную отрасль музыкальнаго искусства и требуетъ для своего выраженія особенныхъ мелодій, вполне отвѣчающихъ его содержанию, и соотвѣтствующей гармоніи. Въ церковномъ пѣніи на первомъ планѣ должны стоять слова священныхъ пѣснопѣній, а не красота мелодій ³⁾.

Кромѣ того церковныя напѣвы, какъ и самое содержаніе

¹⁾ Библіотека твореній св. отцовъ и учителей церкви западныхъ кн. VII. Творенія Бл. Августина ч. I. Кіевъ. 1901 г. Исповѣдь кн. X, гл. 33, стр. 305—306.

²⁾ О церковномъ пѣніи Православной Греко-Россійской Церкви. Рига 1890 г. стр. 15 и 66.

³⁾ Гармоническое пѣніе православной—русской Церкви. Н. М. Соловьева. Богословскій Вѣстникъ 1906 г. Октябрь стр. 231—240.

богослуженія, не носят на себѣ характера только чего-либо личнаго, но выражаютъ собой въ извѣстномъ отношеніи настроеніе цѣлыхъ поколѣній людей живущихъ однимъ духомъ. Передавать этотъ духъ отъ одного поколѣнія другому и оживлять его въ душахъ молящихся составляетъ одну изъ задачъ реализаціи въ насъ церковной идеи, падающей на долю церковнаго пѣнія.

Поэтому естественно, что древнія церковныя правила, ограждающія въ разныхъ отношеніяхъ возможно правильную реализацію въ мірѣ церковной идеи, не обошли и вопросъ о церковномъ пѣніи. Въ 75 правилѣ Трулльскій Соборъ предписываетъ, чтобы приходящіе въ церковь для пѣнія не употребляли безчинныхъ воплей и не вынуждали изъ себя неестественнаго крика и не вводили ничего несообразнаго и несвойственнаго Церкви, но чтобы съ великимъ вниманіемъ и умиленіемъ приносили псалмопѣнія Богу, видящему тайное, ибо священное слово поучало сыновъ израилевыхъ быть благоговѣйными.

При толкованіи этого правила Вальсамонъ говоритъ, что молящіеся въ церквахъ должны призывать Бога со слезами и смиреніемъ, а не въ безчинномъ и неприличномъ видѣ. Итакъ отцы опредѣлили, чтобы священныя пѣснопѣнія были исполняемы не съ безчинными и напряженными воплями, а также не съ какими-нибудь фонетическими прикрасами, не свойственными церковнымъ установленіямъ и послѣдованіямъ, каковы, наприм., театральныя напѣвы и излишняя вычурность голосовъ, но съ великимъ умиленіемъ и богоугоднымъ образомъ возносимы были молитвы Богу. Когда, утверждаетъ Вальсамонъ, различнымъ святѣйшимъ патріархамъ было доносимо, что не только на праздникахъ дѣлается это пѣвчими, но и на всенощныхъ и на поминовеніяхъ умершихъ, то состоялись различныя синодальныя опредѣленія, подвергающія отлученію тѣхъ, кои такъ дѣлали, а не исполняли на всенощной службѣ простыхъ псалмопѣній и аллилуіаріевъ, которые поются по церковному чиноположенію ¹⁾.

Такимъ образомъ ясно, что за богослуженіемъ нужно ис-

¹⁾ Правила св. Вселенскихъ Соборовъ съ толкованіями ч. II Москва 1877 г. стр. 622.

полнять произведенія лишь тѣхъ авторовъ, которые въ той или другой степени выражаютъ въ нихъ церковный духъ.

Въ Россіи наблюденіе за этимъ по общему правилу принадлежитъ, конечно, епархіальнымъ епископамъ и св. Синоду, какъ органу высшей церковной власти.

И вотъ несмотря на это въ XVIII столѣтіи въ русскомъ церковномъ пѣніи, какъ прямо заявлялъ покойный композиторъ П. И. Чайковскій, глубоко вкоренились чуждые ему элементы. Это произошло вслѣдствіе дѣятельности разныхъ итальянцевъ XVIII вѣка и ихъ учениковъ, которые начали италіанизировать наши напѣвы ¹⁾.

Въ исходѣ первой половины XVIII столѣтія, замѣчаетъ одинъ изъ изслѣдователей, вопроса о церковномъ пѣніи, въ Петроградѣ произошло событіе, нанесшее сильный ударъ развитію не только церковнаго пѣнія, но и всей народной музыки, и рана оказалась настолько глубокой, что до сихъ поръ слѣды ея далеко еще не изгладились. Въ 1735 году въ Петроградѣ появилась итальянская опера.

Обаяніе ея оказалось столь велико, что итальянцамъ стали поручать сочиненіе и церковныхъ музыкальныхъ произведеній. Не понимая основного характера и существенныхъ условій нашего богослужебнаго пѣнія, итальянцы старались сказать въ немъ послѣднее слово современнаго имъ вокально—опернаго искусства, и всѣ столичные церковные хоры наполнили чуждой намъ изысканной музыкой, нерѣдко не вполнѣ даже приходившейся по ритмической мѣркѣ тексту и часто давали больше музыки, чѣмъ этого требуетъ текстъ, а это въ свою очередь вызывало необходимость растягивать и повторять слова текста. Особенно безграничную свободу для своего вдохновенія итальянцы допускали при сочиненіи длиннѣйшихъ запричастныхъ концертовъ ²⁾.

Увлеченіе Петрограда итальянскимъ пѣніемъ передавалось мало по-малу почти во всѣ мѣста Россіи. Регенты изъ крѣпостныхъ по разнымъ помѣстьямъ, не имѣющіе ни знаній,

¹⁾ Письма Чайковскаго къ С. Васильеву. Русское обозрѣніе. 1893 года, Ноябрь, стр. 453.

²⁾ А. Пузыревскій. Очеркъ историческаго развитія церковно-богослужебнаго пѣнія на Западѣ и на Востокѣ и въ Россіи до половины IX вѣка. Вѣра и Разумъ 1902 г. № 22.

ни необходимаго матеріала для подражанія столицѣ, неумѣло дѣлали всевозможныя упрощенія въ сочиненіяхъ петроградскихъ маэстро, а иногда безъ всякаго смущенія, изъ желанія угодить своему господину, прибѣгали къ передѣлкамъ ходячихъ пѣсень и романсовъ для церковныхъ нуждъ, и въ то время услышать въ церкви кокой-либо слащавый романсъ положенный на молитвенный текстъ, было случаемъ обыкновеннымъ ¹⁾.

Хуже всего здѣсь, по утвержденію извѣстнаго церковнаго композитора Смоленскаго, было то, что волна чужой сладкозвучной мелодіи и бойкихъ ритмовъ попали изъ рукъ столичныхъ хорошихъ мастеровъ въ руки провинціальныхъ неучей и, разлившись отъ теплаго юга до крайняго сѣвера и дальняго востока, породили подражательную литературу и множество хоровъ, распѣвающихъ тамъ и до сихъ поръ Богъ знаетъ что и Богъ знаетъ какъ ²⁾.

Вотъ гдѣ причина, почему до сихъ поръ мы слушаемъ обыкновенно въ петроградскихъ храмахъ почти всѣ пѣснопѣнія, а особенно совершенно не нужныя запричастныя концерты, композиторовъ итальянской школы, по меньшей мѣрѣ отрѣшающія пѣніе отъ молитвы и разрушающія ту тѣсную связь, которая должна существовать между словомъ и мелодіей.

Что почувствовалъ бы, наприм., Бл. Августинъ съ его способностью хорошо анализировать свои внутреннія переживанія, еслибы ему пришлось присутствовать въ это время за богослуженіемъ.

При его опасеніи увлекаться болѣе пѣніемъ, чѣмъ его содержаніемъ, что онъ считалъ грѣховнымъ, Бл. Августинъ, вѣроятно, бѣжалъ бы изъ многихъ нашихъ храмовъ, предпочитая лучше вовсе не слышать пѣвцовъ.

Въ провинціяхъ итальянское пѣніе въ церквахъ часто дѣлается еще невыносимѣе по причинѣ его плохого исполненія.

Если таково дѣйствіе подобнаго пѣнія на народъ, то насколько же острѣе должны чувствовать все это люди музыкальные. И дѣйствительно, П. И. Чайковскій, наприм., на-

---

1) Тамъ же, стр. 8.

2) Обзоръ историческихъ концертовъ, стр. 28.

зываетъ вопросъ о русскомъ церковномъ пѣніи своимъ большимъ мѣстомъ. О самыхъ церковныхъ композиторахъ, подавшихъ вліянію итальянской школы, Чайковскій писалъ, что „техника Бортнянскаго дѣтская, рутинная, но тѣмъ не менѣе это единственный изъ духовныхъ композиторовъ, у которыхъ она была. Всѣ эти Ведели, Дехтерева и прочіе любили по своему музыку, но они были сущіе невѣжды и своими произведеніями причинили столько зла Россіи, что и сто лѣтъ мало, чтобы его уничтожить... Нуженъ мессія, который однимъ ударомъ 'уничтожилъ бы все старое и пошелъ бы по новому пути, а новый путь заключается въ возвращеніи къ сѣдой старинѣ и въ сообщеніи древнихъ напѣвовъ въ соотвѣтствующей гармонизаціи“¹⁾.

Эту задачу и выполняетъ Синодальное училище духовнаго пѣнія въ Москвѣ и въ этомъ уже приобрѣли большую извѣстность его преподаватели г.г. Кастальскій, Чесноковъ, протоіерей Металловъ и друг.

Поэтому въ настоящее время есть уже полная возможность вводить въ храмахъ Россіи болѣе церковное пѣніе, лишь было бы подобное желаніе.

Вопросъ объ этомъ, а равно и о необходимости пѣнія стихиръ обсуждался и на Кіевскомъ миссіонерскомъ съѣздѣ—1909 года, на которомъ и намъ пришлось участвовать. Введеніе болѣе церковнаго пѣнія и пѣнія стихиръ было признано обязательнымъ во всѣхъ церквахъ.

Но, къ сожалѣнію, всѣ наши съезды, миссіонерскій, монашескій, законоучительскій, сводятся лишь къ тому, что на нихъ прочтутъ доклады и поговорятъ, иногда еще и въ заранѣе рѣшенномъ духѣ, а затѣмъ запишутъ все это на бумагѣ, которая потомъ предназначается, повидимому, лишь архивнымъ крысамъ.

Такъ случилось и съ бумагами миссіонерскаго съѣзда, на которыхъ изложены его постановленія о необходимости пѣнія стихиръ и введенія въ наше богослуженіе болѣе церковнаго пѣнія.

Очевидно, осуществленіе этого гдѣ-то тормозится въ сложной машинѣ нашего церковнаго управленія. Ему кто-то здѣсь не сочувствуетъ и, повидимому, прежде всего русскіе епар-

¹⁾ Русское обозрѣніе 1893 г. Ноябрь.

хіяльные епископы. Вѣдь, отъ каждаго изъ нихъ вполне зависить обязать въ церквахъ своей епархіи пѣть стихиры по уставу и не исполнять произведенія композиторовъ итальянской школы. Когда однажды мнѣ пришлось по поводу исключенія изъ службы стихиръ говорить съ настоятелемъ и церковнымъ старостой собора одного изъ южныхъ губернскихъ городовъ, то, не знаю—искренно или нѣтъ,—они въ оправданіе себѣ прямо сослались, что въ ихъ городѣ стихиръ не поютъ въ архіерейской церкви и при служеніи архіерея въ другихъ церквахъ, а потому это можно дѣлать и во всей епархіи.

Не объясняется-ли такое отношеніе нашихъ епископовъ къ богослуженію и способу церковнаго пѣнія присущимъ имъ нѣкоторымъ равнодушіемъ въ этой области, отмѣчаемымъ извѣстнымъ русскимъ подвижникомъ епископомъ Теофаномъ.

Когда обращали вниманіе этого подвижника, бывшаго духовнымъ руководителемъ большого числа разныхъ людей, на неясность для многихъ языка нашего богослуженія и выставляли это однимъ изъ поводовъ къ переходу въ секты, то онъ соглашался, что дѣйствительно въ этомъ языкѣ много непонятнаго. Епископъ Теофанъ находилъ, что слѣдуетъ позаботиться уяснить богослужебныя книги, перевести ихъ болѣе понятно, оставляя однако языкъ славянской и чтенія изъ ветхаго завѣта на вечерняхъ въ переводѣ съ 70 толковниковъ. „Книги богослужебныя по своему значенію, утверждаетъ онъ, должны быть измѣняемы“. Наши іерархи—не скучаютъ отъ неясности, потому что—не слушаютъ, сидя въ алтарѣ... Заставить бы ихъ прочитатъ службы хотя бы на Богоявленіе“.

Въ другомъ письмѣ преосвященный Теофанъ еще съ большей категоричностью заявляетъ, что „архіереи и іереи не все слышатъ, что читается и поется, сидя въ алтарѣ“¹⁾.

Насколько намъ извѣстно, исключеніе изъ этого составляютъ тотъ же архіепископъ Антоній и немногіе другіе, которые требуютъ въ своихъ епархіяхъ пѣнія стихиръ и уничтоженія порчи церковнаго пѣнія.

¹⁾ Собраніе писемъ еп. Теофана. Выпускъ VII. Москва 1901 г. Письма №№ 1151 и 1153, стр. 155 и 158.

Въ концѣ октября 1914 года намъ пришлось проѣзжать черезъ Харьковъ. Пользуясь 2—3 часами ожиданія поѣзда по другой линіи, мы отправились на звонъ ко всенощной въ близкій къ вокзалу храмъ. Это происходило вечеромъ 25 Октября, и храмъ оказался въ память св. Дмитрія Солунскаго. Каково же было наше удивленіе, когда въ этомъ приходскомъ храмѣ на „Господи возвахъ“ были пропѣты всѣ положенныя по уставу стихиры! Вспомнивъ, что въ Харьковѣ теперь архіепископомъ Антоній, мы поняли, что этимъ прихожане храма обязаны ему, который и на новомъ мѣстѣ служенія поспѣшилъ распорядиться упорядочить богослуженіе въ этомъ, какъ мы видѣли, важномъ отношеніи. И только позднее время и невозможность остаться до слѣдующаго дня помѣшали намъ выразить свое уваженіе архіепископу по поводу его распоряженія.

Въ настоящее время архіепископъ вводитъ въ Харьковѣ и пѣніе на 8 гласовъ.

Далѣе, по вопросу о богослуженіи слѣдуетъ обратить вниманіе на Пасхальную недѣлю. Если богослуженіе перваго дня св. Пасхи всюду отличается торжественностью и привлекаетъ къ себѣ народъ, то, начиная со втораго дня, эта торжественность постепенно падаетъ, прекращается участіе церковныхъ хоровъ, и дни пасхальной недѣли почти теряютъ праздничный характеръ, который восстанавливается снова, да и то не вездѣ, лишь въ субботу. Во многихъ мѣстахъ кромѣ того къ пасхальной службѣ примѣшиваются молебны святымъ и даже чтеніе имъ акаѳистовъ.

Всѣмъ этимъ, конечно, не только подрывается въ сознаніи народа вселенская идея празднованія св. Пасхи, но и нарушается церковный уставъ, предписывающій праздновать всю недѣлю, какъ одинъ день, причемъ всякія другія службы не имѣющія отношенія къ празднику исключаются...

Для устраненія этого полезно было бы обязать кого слѣдуетъ всю Пасхальную недѣлю совершать богослуженіе по праздничному и съ непремѣннымъ участіемъ хоровъ, гдѣ они существуютъ.

Утреню же во всѣ дни св. Пасхи въ городскихъ храмахъ удобнѣе было бы соединить съ вечерней и служить ихъ въ 5 или 6 часовъ вечера, какъ это уже и принято въ нѣко-

торыхъ мѣстахъ Россіи, наприм., въ Ярославль, въ Сергіевомъ Посадѣ, въ Троицъ-Сергіевой лаврѣ и друг.

Такой порядокъ богослуженія, какъ показываетъ опытъ этихъ мѣстъ, способствовалъ бы посѣщенію народомъ пасхальнаго богослуженія, приучалъ бы народъ къ празднованію св. Пасхи въ теченіе всей недѣли, и въ дни ея мы не видѣли бы большинство храмовъ почти пустыми, особенно же за ея утреннимъ богослуженіемъ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ указать еще на одинъ бросающійся въ глаза недостатокъ русскаго богослуженія.

Среди церковныхъ службъ находится служба на новый годъ, въ составъ которой вошли многія пѣснопѣнія, составленныя св. Іоанномъ Дамаскинымъ.

Наступленіе Новаго года полагаетъ въ нашемъ сознаніи какую-то черту между прошлымъ и будущимъ, и въ связи съ этимъ Церковь стремится возбудить въ людяхъ соотвѣтствующія мысли и чувства обращенныя къ Богу.

День Новаго года измѣнялся въ Россіи не одинъ разъ. Ранѣе этимъ днемъ считалось 1 Марта, а въ 1492 году по опредѣленію происходившаго тогда въ Москвѣ собора начало Новаго года было перенесено на 1 Сентября¹⁾. Петръ же Великій повелѣлъ считать днемъ Новаго года 1 января, что и началось въ Россіи съ 1700 года.

Такимъ образомъ представленіе о новомъ годѣ уже въ теченіе 215 лѣтъ связано въ Россіи съ 1 января. Между тѣмъ служба на новый годъ, вечерня и цѣлая утрени, все еще совершаются 1 Сентября. Въ это время, конечно, никто и не думаетъ о наступленіи новаго года и никто не идетъ съ такою мыслью въ церковь. Вся новогодняя служба, отправляемая 1 Сентября, не затрагиваетъ душу въ соотвѣтствующемъ направленіи, и необходимая для народа служба теряетъ свое значеніе.

Если желаютъ, чтобы народъ участвовалъ душой въ богослуженіи на Новый годъ и чтобы на его сознаніе вліяли тѣ мысли и чувства, которыя соединяетъ Церковь съ наступленіемъ новаго года, то совершаемую 1 Сентября службу не-

---

¹⁾ Исторія государства Россійскаго, Карамзина, т. VI, Спб. 1852 г., стр. 365 и Примѣчанія къ исторіи т. V, № 246, Спб. 1852 г., стр. 160.

обходимо перенести на 1 Января. Заставлять же людей считать теперь новымъ годомъ 1 Сентября, какъ было въ Россіи съ 1492 года по 1700 годъ, уже напрасный трудъ, и приурочивать новогоднія службы къ 1 Сентября значить просто скрывать отъ народа все ихъ содержаніе.

Н. Кузнецовъ.
